



ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА



НАЙО



# МАРШ

.....



.....

ОБМАНЧИВЫЙ  
БЛЕСК МИШУРЫ

.....



Золотой век английского детектива

Найо Марш

**Обманчивый блеск мишуры**

«Издательство АСТ»

1971

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44

**Марш Н.**

Обманчивый блеск мишуры / Н. Марш — «Издательство АСТ»,  
1971 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-111225-7

Представитель древнего аристократического рода Хилари Билл-Тасман выкупает некогда утраченную фамильную усадьбу и собирается восстановить ее. При этом он нанимает в качестве слуг людей, однажды осужденных за убийство. Накануне Рождества Билл-Тасман устраивает пышный банкет, на который приглашает и супругу Родерика Аллейна, известную художницу Трой Аллейн. И в самый разгар торжества один из слуг пропадает, а гости начинают получать анонимные записки с угрозами... Самое время вызывать Родерика Аллейна.

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111225-7

© Марш Н., 1971  
© Издательство АСТ, 1971

## Содержание

Действующие лица	6
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

# **Найо Марш**

## **Обманчивый блеск мишуры**

*Моему крестнику Николасу Дейкру-Мэннигсу – «на вырост».*

© Ngaio Marsh Ltd, 1971

© Перевод. А.Н. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

\* \* \*

## Действующие лица

Хилари Билл-Тасман – хозяин поместья «Алебарды», землевладелец

### **Персонал в «Алебардах»:**

Катберт – дворецкий

Мервин – главный лакей

Найджел – второй лакей

Уилфред (по прозвищу Кискоман) – повар

Винсент – садовник и шофер по совместительству

Том – мальчик на побегушках

### **Гости в «Алебардах»:**

Трой Аллейн – прославленная художница

Полковник Фредерик Блошингтон Форрестер – дядя Хилари

Миссис Форрестер – жена полковника

Альфред Маулт – камердинер полковника Форрестера

Мистер Берт Смит – большой авторитет в области антиквариата

Крессида Тоттенхэм – невеста Хилари

### **Представители Закона:**

Майор Марчбэнкс – начальник исправительного заведения «Юдоль»

Рэйберн – суперинтендант полицейского управления в Даунлоу

Родерик Аллейн – суперинтендант управления уголовного розыска (Скотленд-Ярд)

Инспектор Фокс – детектив управления уголовного розыска (Скотленд-Ярд)

Сержант Томпсон – детектив-специалист по отпечаткам пальцев, из Скотленд-Ярда

Детектив сержант Бэйли – штатный фотограф Скотленд-Ярда

Прочие гости и правоохранители

## Глава 1

### «Алебарды»

#### I

– ...После того как мой почтенный родитель, – говорил Хилари Билл-Тасман, складывая руки домиком, – был ввергнут в совершенную нищету Великим Обвалом<sup>1</sup>, он, представьте, начал торговать утильсырьем, освоил ремесло старьевщика! Я не мешаю вам разговорами?

– Вовсе нет.

– Благодарю. Описывая его занятия в подобных терминах, я вовсе не имею в виду ничего унижительного. Он вошел в долю по этой тряпично-мелочной части с моим же дядюшкой Бертом Смитом; у того к этому времени уже имелись лошадь, повозка и хоть короткий, но все же какой-никакой жизненный опыт. Кстати, «дядюшка» в данном случае – лишь титул учтивости<sup>2</sup>.

– Вот как?

– Завтра вы с ним познакомитесь. Так вот. Мой родитель тогда как раз овдовел и вложил свою долю в предприятие, обогатив его некоторыми элементами фамильного имущества – теми, что он ухитрился укрыть от ненасытных кредиторов. Среди таковых имелась ваза мейсенского фарфора весьма значительной ценности – в монетарном отношении по крайней мере, хотя в эстетическом, боюсь, нет. Дядюшке Берту не доставало квалификации на высшем уровне своего ремесла, и он наверняка спустил бы за бесценок эту драгоценную реликвию, как и другие ей подобные, у ближайшего забора. Отец, однако, снабдил его письменными гарантиями и полномочиями, которые заранее исключали любые придирки относительно подлинности изделия. А потом отправил партнера напрямик на Бонд-стрит<sup>3</sup>, где тот заключил такую сделку, что сам не поверил своим глазам и еще долго потом мог только моргать ими.

– Здрóрово. Не могли бы вы не размахивать руками?

– Пожалуй, могу. Итак, они стали преуспевать. Когда мне исполнилось пять лет, у них имелись уже две повозки, две лошади и кругленькая сумма в банке. Должен, кстати, поздравить вас: вы сами ни словом не обмолвились при мне об этой нашей истории в духе «Степто и сына»<sup>4</sup>. Признаюсь, я склонен встречать новых знакомых как раз по этой «одежке»... Итак, отца открылись неожиданно яркие способности к торговому делу, и он даже научился извлекать выгоду из Депрессии: покупать по дешевке, а потом, пусть пережив порядочную нервотрепку, тревогу неизвестности и риска, – продавать дороже. И вот настал тот день, когда в лучшем своем костюме и в галстук, право на какой он заработал потом и кровью, старик отправился продавать королю Фаруку<sup>5</sup>, которого немного знал, последнее из фамильных сокровищ. А именно – невообразимо безвкусный венецианский подсвечник.

– Подумать только.

---

<sup>1</sup> The Great Slump – альтернативное, распространенное в Великобритании название Великой депрессии 1930-х, может также относиться к экономическому спаду в средневековой Англии XV века. (Здесь и далее примеч. пер.)

<sup>2</sup> «Титулами учтивости» (courtesy titles) в английской традиционной феодальной системе называются дворянские титулы, не дающие юридических прав, этим титулам сопутствующих, – например, на членство в палате лордов и т. п. Такие титулы обыкновенно носят дети герцогов, маркизов или графов.

<sup>3</sup> Одна из главных торговых улиц Лондона, известная антикварными магазинами и частными картинными галереями.

<sup>4</sup> «Степто и сын» (Steptoe and Son) – британский комедийный сериал компании Би-би-си об отце и сыне – старьевщиках, ловких плутах из городских низов. Транслировался в 1964–1972 гг. Фамилия Степто в Британии с тех пор стала нарицательной.

<sup>5</sup> Имеется в виду Фарук I, король Египта и Судана в 1936–1952 гг.

– Данная коммерческая операция оказалась не последней, она повлекла за собой множество крайне выгодных продолжений, и иссяк их поток только со смертью Его Величества. К тому времени отец уже открыл собственный магазин на Саут-Мортон-стрит<sup>6</sup>, а дядя Берт командовал разросшимся гужевым «флотом», то есть остался в той стихии, какая ему лучше всего подходила, но при этом деловую квалификацию свою успел сильно повысить.

– А что все это время было с вами?

– Со мной? До семи лет я проживал с отцом и названным дядей в двухкомнатной квартире по адресу Чернь-ярд, Лоточник-лэйн, за углом под лавкой, если можно так выразиться.

– Впитывали азы ремесла?

– Можно и так сказать. Но кроме того, я впитывал – хоть и, признаюсь, несколько бессистемно – азы английской литературы, искусствоведения на примерах конкретных *objets d'art*<sup>7</sup> и немного – обычной арифметики. Моим обучением руководил отец. Каждое утро он выдавал мне три задания, которые следовало выполнить до вечера – то есть до их с дядей Бертом возвращения после трудов праведных. А после ужина родитель развивал со мной достигнутые успехи, пока я не засыпал прямо за столом.

– Бедный малыш!

– Бедный? Вот и моим дяде с тетей тоже так казалось: бедный. Я имею в виду отцовских родственников по линии его матери, полковника и миссис Форрестер. С ними вам завтра тоже предстоит встретиться. При крещении им дали имена: Фредерик Блошингтон и Колумбина, так что в семье их, естественно, всегда звали дядюшка Блошка и тетюшка Клумба – многие, полагаю, уже и позабыли изначальные формы, а также смысл шутки.

– И эти дядя с тетей тоже вмешивались в процесс вашего обучения?

– О да, самым энергичным образом. Прознав о том, как обращается со мною отец, они самолично отправились к нам в Ист-Энд<sup>8</sup>. Тетя Клумба – тогда она была довольно решительной молодой дамой – забарабанила зонтиком по закрытой двери ко мне в комнату и, когда ее туда допустили, высказала целый ряд весьма откровенных замечаний по поводу моей судьбы, причем муж поддержал ее горячо, хоть и не так бурно. Потом они в ярости удалились, но тем же вечером вернулись с конкретным предложением.

– По поводу вашего образования?

– По поводу моей персоны в целом – так сказать, *in toto*<sup>9</sup>. Отец сперва сказал: вот, мол, еще чего не хватало – и послал эту пару подальше, но в глубине души он очень их любил. И поскольку наш скромный дом был приговорен к сносу из-за «антисанитарных условий проживания», а новую «резиденцию» было не так-то легко найти, в итоге старик уступил. Смею думать, на него повлияла в этом вопросе еще и угроза судебного преследования со стороны органов социальной защиты детей. Как бы там ни было, но я в результате уехал жить с дядей Блошкой и тетей Клумбой.

– Вам у них нравилось?

– Да. С отцом я связи не потерял. Он уладил все свои недоразумения с Форрестерами, и мы часто, так сказать, обменивались визитами. Когда мне исполнилось тринадцать, старик уже по-настоящему разбогател и смог послать меня в школу, где сам когда-то учился. К счастью, он догадался записать меня в ее будущие ученики еще с рождения. Это до некоторой степени избавило их с дядей и тетей от бремени старых обязательств, а я по сей день испытываю живейшую благодарность к добрым Блошке и Клумбе.

– Буду рада с ними познакомиться.

---

<sup>6</sup> Улица в лондонском торговом районе Мэйфэр.

<sup>7</sup> Произведения искусства (*фр.*).

<sup>8</sup> Восточная часть Лондона, район расселения бедноты, антипод фешенебельного Уэст-Энда.

<sup>9</sup> В целом, в общем (*лат.*).



– Их многие держат за чудаков. Лично мне они такими не кажутся, ну а вы сможете сами судить.

– Чудаков? В каком смысле?

– Ну... Форрестеры склонны к мелким отступлениям от обычных норм поведения – я бы так это назвал. За пределами своего дома они никогда не расстаются с летними зонтиками в зеленую полоску, которым бог знает сколько лет. И, проснувшись утром, первым делом открывают их: предпочитают, понимаете ли, тенистую прохладу прямым солнечным лучам. Еще они всегда привозят с собой огромное количество своих ценных вещей – все бриллианты тети Клубы и все акции-облигации дяди Блошки. Плюс еще значительные суммы живой наличностью. Дядя Блошка держит их в чемодане вместе со старым мундиром. Старикан давно в запасе.

– Что ж, во всем этом, пожалуй, и впрямь можно усмотреть некоторое чудачество.

– Вы полагаете? Да, возможно, вы и правы. Но я отвлекся. Обучение мое поначалу шло по общей программе, но позднее отец настоял, чтобы меня особо серьезно и тщательно готовили по теоретической части того предмета, в котором я здорово преуспел. К моменту смерти родителя я уже считался одним из ведущих в Европе специалистов по керамике основных эпох китайской истории. Мы с дядей Бертом стали очень состоятельными людьми. Буквально все, к чему я прикасался, обращалось, что называется, в золото. Иными словами, я принадлежал отнюдь не к неимущим, а как раз к очень даже имущим. Вдобавок мне нечеловечески везло в азартных играх. Я дважды выигрывал целые состояния, по-княжески огромные – и, заметьте, не облагаемые налогом – на ФПТ<sup>10</sup>. В этом мне подал пример дядя Берт.

– Чудесно у вас все сложилось.

– В самом деле? Мне и самому нравится. Во всяком случае, благодаря достатку я смог позволить себе собственные чудачества. Наверное, вам они покажутся не менее радикальными, чем чудачества дяди Блошки и тети Клубы.

– Например?

– Например, об этом доме. И о здешнем штате прислуги. Прежде всего, знаете ли, о прислуге! «Алебарды» с тюдоровских времен и до 1810-х годов принадлежали моим предкам по отцовской линии – Билл-Тасманам. В здешних краях мы были самой влиятельной семьей. Наш девиз состоял из одного простого слова: *Unicus*<sup>11</sup> – в сущности, это то же самое что «непревзойденный». Превосходный в своем роде. Не имеющий равных. Причем мои предки понимали эту последнюю идею буквально: они всегда отказывались от пэрства, хоть его много раз им предлагали, и вели себя словно независимые властители, как короли! Рискую показаться вам высокомерным и самонадеянным, – с улыбкой добавил Хилари, – рядом с пресловутыми предками я – словно фиалка среди замшелых камней.

– Почему же ваша семья покинула «Алебарды»?

– Потому, дорогая, что они разорились! Вложили все до последнего гроша в вест-индские предприятия, а погубила их – и поделом, смею заметить, – отмена рабства. Дом пришлось продать, но в силу его плачевного состояния никому из новых владельцев он особо не приглянулся. Всякие фонды по надзору и спасению исторических памятников тогда еще находились, так сказать, в утробе времени, поэтому усадьба испытала на себе всю разрушительную силу запустения и начала раньше срока превращаться в развалины.

– И вы ее выкупили обратно?

– Два года назад.

– И восстановили?

– Все еще восстанавливаю. Ну да.

---

<sup>10</sup> Футбольный почтовый тотализатор, известный в Британии как *The Pools* – проводится еженедельно специальными фирмами. Участникам предлагается угадать результаты нескольких матчей, размер выигрыша зависит от количества правильных предсказаний.

<sup>11</sup> Единственный, уникальный, исключительный (*лат.*).

– За огромные деньги?

– Не говорите! Но, надеюсь, вы согласитесь: я делаю это со знанием дела и стиля.

– О да, конечно. Ну вот, – произнесла Трой Аллейн, – пока, пожалуй, все. Я закончила. Хилари поднялся и небрежной походкой обошел мольберт, чтобы взглянуть на свой портрет.

– Безусловно, выходит крайне интересно. Просто замечательно интересно. Я рад, что вы по-прежнему принадлежите – по крайней мере, до известной степени – к школе реалистической фигуративной живописи, как я бы ее назвал. Мне вовсе не хотелось бы оказаться сведенным к шизоидной компоновке геометрических конструкций, как бы ни радовала она глаз абстракциониста.

– Вот как...

– Именно так. Впрочем, в Союзе торговых ассоциаций антикваров Европы (более известном в сокращении как «СТАРЬЁ» – вы уже, конечно, догадались) и этот портрет сочтут исключительно *авангардным*. Что ж, не пора ли нам чего-нибудь выпить? Уже, как я вижу, половина первого.

– Позвольте только сначала я тут все приберу.

– Разумеется. Вы, вероятно, предпочитаете сами заниматься своими инструментами, не доверяя их чужим рукам, но если вдруг это не так, Мервин, я уверен, будет рад вымыть и вычистить ваши кисти. Помните Мервина? Он был шрифтовиком, рисовал вывески и дорожные знаки, прежде чем сесть в тюрьму. Так что подобная работа ему по душе.

– Как замечательно! В таком случае я только сама себя приведу в порядок.

– Будете готовы – возвращайтесь ко мне сюда.

Трой сняла рабочую блузу и направилась вверх по лестнице, а потом – дальше по коридору, прямо в свою восхитительно теплую уютную комнатку. В смежной с ней ванной она тщательно отмыла руки и принялась расчесывать коротко постриженные волосы, одновременно рассматривая вид за окном.

Там, за территорией поместья, все еще «разлинованной» на фрагменты ландшафтными садовниками и находящейся всецело в их руках, прямо в свинцовое небо уходили торфяные болота. Казалось, что края их «стекаются» у горизонта воедино, повинаясь воле некоего невидимого, безличного дизайнера. Равнодушно несли они на своих зыбучих спинах низкорослые растительные мантии и выглядели какими-то расслабленно-отстраненными от мира (или так только представлялось воображению Трой). В одном месте, между двумя темными горбами холмов, проглядывал короткий отрезок дороги, ведущей к тюрьме. Надо всем пейзажем кружил легкий мокрый снег.

«Что ж, – подумала Трой, – не хватает только собаки Баскервилей. И не поручусь, что он ее не заведет, если такое придет ему в голову».

Прямо под окном ее комнаты к земле кренились развалины зимней оранжереи, которая некогда тянулась с внешней стороны вдоль восточного крыла здания. Хилари говорил, что скоро их снесут, а пока вот... торчат тут уродливым бельмом на глазу. Верхушки молодых еловых саженцев пробиваются сквозь битое стекло... Внутреннее пространство, словно илом, покрылось какими-то неведомыми наростами. Хилари опять же обещает: в следующий раз, когда она придет в «Алебарды», под ее окошком зазеленеют лужайки, а в отдалении – в перспективе, за кипарисовой аллеей, забьет фонтан с каменными скульптурами дельфинов. Интересно, подумала Трой, сгладят ли эти усовершенствования хоть немного тяжесть этих злоеших холмов вдали?

Где-то по дороге между проектируемым садом и торфяными болотами на декабрьском ветру отчаянно вертелось и жестикулировало, словно жуткий рудимент итальянской комедии дель арте, огородное пугало.

Сразу за ним в поле ее зрения появилась человеческая фигура. Она катила перед собой ручную тележку. Голова ее была наклонена против ветра. Из одежды – клеенчатый плащ и зюйдвестка<sup>12</sup>.

Это Винсент, подумала Трой. Шофер и садовник в одном лице. Что, бишь, там натворил Винсент?.. Что-то связанное с мышьяком? Да, точно. И очень похоже на то, что он действительно это *натворил*. Или все же?..

Пугало бешено закачалось на своем шесте, и клочья соломы, оторвавшись, закружились на слякотном ветру.

## II

Трой еще только пять дней провела в «Алебардах», а уже внутренне смирилась с их бестолковым, каким-то перекошенным великолепием и несколько вызывающей атмосферой. Хилари, со своей стороны, успел – с тех пор как она прибыла сюда писать тот самый заказанный им портрет – обронить в ее присутствии несколько намеков по поводу весьма диковинных свойств местного персонала. Поначалу художница решила, что это он так развлекается, подшучивает над ней – не слишком, надо сказать, забавно, – но вскоре поняла свою ошибку.

За завтраком их встречали неизменные Катберт – Хилари отреккомендовал его как главного дворецкого – и Найджел, второй лакей.

Катберт был лысеющим пожилым человеком лет шестидесяти с сильным громким голосом, крупными руками и вечно потупленным взглядом. Обязанности свои он исполнял сдержанно, спокойно – как, впрочем, и его помощник, – но в общей манере их поведения проглядывала какая-то настороженность и в то же время бесстрастность, «тусклость». Они не хитрили, не вертели, не виляли, не клали ничего за пазуху, но почему-то казалось, что вот-вот начнут это делать. Почему-то приходила на ум мысль: в их поведении нет ничего скрытного, лукавого, подозрительного, хотя обычно подобные мысли на ум вообще не приходят. В какой мере это странное впечатление следовало приписать позднейшей оглядке назад, а в какой – непосредственному наблюдению в реальном, так сказать, времени, Трой не бралась судить, однако, поразмыслив, решила: в конце концов, это вообще дело мудреное – настроить себя на существование в обществе домашней прислуги, состоящей исключительно из убийц. Катберт, к примеру, прикончил любовника своей жены, юного симпатичного поваренка – сам он в те времена служил метрдотелем. Как сообщил своей гостье Хилари, в силу смягчающих обстоятельств смертный приговор был заменен на пожизненное заключение, а там уж свою роль сыграло примерное поведение – в общем, через восемь лет осужденный оказался на свободе. И теперь он «безобиднейшее существо на свете, – заверил Хилари. – В конце концов, поваренок обозвал его жалким рогоносцем и плюнул ему в лицо как раз в тот момент, когда Катберт отсекал куриное крылышко. Естественно, он набросился на наглеца».

Мервин – главный лакей и бывший рисовальщик вывесок – был, как выяснилось, виновен в умерщвлении вора-домушника при помощи самодельного устройства против подобных типов. «Право же, – уверял Хилари, – упечь его в кутузку было уж слишком... Очень даже слишком. Он ведь не собирался никого *ликвидировать*, знаете ли, а хотел только дать отпор захватчику – если кто вдруг отважится к нему вломиться. Вот только бедняга совершенно недооценил ударный потенциал доброго старомодного утюга, закрепленного веревкой над дверью. Понятное дело, Мервина возмутила попытка лишить его свободы после прискорбного происшествия у него дома, и при задержании он повел себя столь несдержанно, что немедленно был отправлен в “Юдоль”».

---

<sup>12</sup> Непромокаемая матросская клеенчатая шляпа.

Кроме этой компании в усадьбе трудились еще двое посягнувших на человеческую жизнь.

Во-первых, повар по имени Уилфред, известный среди друзей под странным прозвищем Кискоман – очень уж он любил кошек и всегда звал их кисками.

– Он на самом деле повар, самый настоящий. Но, – поделился Хилари по секрету с Трой, – понимаете ли, не самый мужественный человек. «Настоящим мужиком» его не назовешь. Собственно, по этому делу он сначала за решетку и загремел, но уже там, отбывая наказание, как-то раз напал на надзирателя, который приставал к нему, когда Уилфред был не в настроении. Все знали, что тот мерзкий тип ненавидел кошек и измывался над ними в какой-то там форме, не знаю. Сами догадываетесь, натиск Кискомана оказался яростным вдвойне, так что жертва этого натиска, к глубокому сожалению, пробила головой стену камеры и погибла. Ну, а Уилфреду весьма ощутимым образом увеличили срок.

Оставался второй лакей, Найджел, – этот в былые годы трудился на заводе, поставлявшем деревянных лошадей для парков аттракционов и каруселей, потом еще выполнял какую-то очень творческую работу на фабрике восковых фигур, пока наконец не свихнулся на религиозной почве до такой степени, что ему уже ничего нельзя было доверить.

– Он попал в суперсуровую секту, – пояснил Хилари. – С каким-то там очень строгим монашеским уставом, да еще с весьма причудливыми нюансами. В общем, то одно, то другое, капля за каплей – жизнь взвалила на Найджела слишком уж тяжелое бремя. Шарики у него заехали за ролики, и он прикончил одну даму, которую до сих пор называет не иначе как «великой грешницей». Бедолагу отправили в Бродмур<sup>13</sup>, и, хотите верьте, хотите нет, он излечился!

– Надеюсь, меня он не сочтет «великой грешницей»?

– О, нет-нет, гарантирую. Вы... совсем не *того* типа, да и к тому же теперь Найджел у нас просто образец рассудительности и сдержанности. Единственное безобидное сумасбродство, какое за ним сохранилось, – всегда рыдает, когда вспоминает о своем преступлении. А еще у него настоящий врожденный дар ваятеля. Если к Рождеству у нас выпадет снег, обязательно попрошу его слепить нам снеговика.

Кто еще остается – там, снаружи? Ну, там сейчас только Винсент, садовник. Потом, когда ландшафтные дизайнеры закончат свое дело, придет время набрать полный штат сотрудников для работы в поместье. А пока достаточно временных помощников и Винсента.

И, кстати говоря, – подчеркнул Хилари, – его называть убийцей совсем уж некорректно. Просто произошло нелепое, дурацкое недоразумение, которое, увы, привело к случайной смерти от мышьяксодержащего препарата, предназначенного для проверки состава грибов. А за ним, в свою очередь, увы, последовала вопиющая ошибка судьи в напутственном слове коллегии присяжных, среди которых число идиотов превышало обычную норму. Ну и наконец после долгого и томительного ожидания правда восторжествовала в форме успешной апелляции. Винсент, – подытожил хозяин усадьбы, – человек, жестоко и несправедливо обиженный правосудием.

– Как же вам удалось набрать такой необыкновенный штат прислуги? – поинтересовалась Трой.

– А, уместный вопрос! Видите ли, покупая «Алебарды», я преисполнился решимости не только восстановить их былую славу и репутацию, но и возродить прежние обычаи. У меня не было ни малейшего желания угрюмо препираться тут с какой-нибудь деревенской старой каргой или нанимать какую-нибудь супружескую пару непредсказуемых неаполитанцев, которые сначала недели две будут пичкать меня своими макаронами, а потом исчезнут без предупреждения в неизвестном направлении. С другой стороны, найти нормальных цивилизованных работников, особенно в нашей округе, – по-моему, неосуществимая задача. Поразмыслив

---

<sup>13</sup> Лондонская психиатрическая больница для лиц, признанных виновными, но невменяемыми.

об этом немного, я, так сказать, записался на прием к моему будущему соседу – начальнику тюрьмы «Юдоль» майору Марчбэнксу и поделился с ним своей проблемой. Мне всегда было ясно: из всех преступников приятнее всего иметь дело именно с убийцами. То есть хочу сказать – с убийцами определенного сорта, конечно. О, в этом деле я разборчив и нетерпим. Голово-резы, набрасывающиеся на полицейских или стреляющие в них, никак не соответствуют моим стандартам, и с ними под одной крышей в самом деле жить опасно. Другое дело – тихий, приличный «однодельник», которого на единственное преступление толкнула единичная, не имевшая прецедентов вспышка эмоций, спровоцированная каким-нибудь исключительным обстоятельством. Такой человек, как правило, впредь станет вести себя хорошо. И знаете, Марчбэнкс полностью согласился с моей теорией. В общем, обдумав это вместе, мы договорились: при первом же выпуске на свободу подходящих личностей я получу право сразу подобрать себе из них кого захочу. Они уж точно не откажутся – для них это станет своего рода реабилитацией. К тому же я ведь так богат – готов платить щедро.

– И что, у них там уже имелась готовая полная партия?

– Пришлось подождать, пока они, образно говоря, один за другим не стали попадать ко мне в мешок. Некоторое время я жил очень скромно, только с Катбертом и Кискоманом, мы занимали всего четыре комнаты в восточном крыле. Но мало-помалу «личный состав» пополнялся: к тому же «Юдоль» – не единственный мой поставщик. Вот еще в «Скрабс»<sup>14</sup> очень мне помогли, а Найджела я получил, как вы знаете, из Бродмура. Между прочим, – добавил Хилари, – в этих моих контактах нет ничего оригинального. Та же идея активно муссировалась еще в Викторианскую эпоху, причем с подачи не кого-нибудь, а самого Чарльза Диккенса, а значительное время спустя, пусть и в качестве шутки, ее подхватил сэр Артур Уинг Пинеро<sup>15</sup>. Я лишь, если можно так выразиться, адаптировал ее к современным условиям и довел до логического конца.

– Мне пришло в голову, – заметила Трой, – вот что: существует весьма незначительная, но все же вероятность того, что Рори, мой муж, каким-то образом причастен к аресту одного или нескольких ваших... работников. Что, если?..

– У вас нет никаких причин для беспокойства. Начать с того, что об этой вашей родственной связи они ничего не знают. А кроме того, если бы и знали, им все равно. Насколько я могу читать в их душах, никакой обиды на полицию ни у одного не осталось. За исключением разве что Мервина – бывшего шрифтовика, ну, вы помните. Ему представляется, что, поскольку его невинная домашняя ловушка была «направлена» как раз против категории лиц, которую полиция призвана преследовать, то понесенная им кара – за уничтожение одного из таких лиц! – явилась слишком, что ли, тяжелой, непропорционально суровой. Но даже этот обиженный человек – заметьте! – держит зло скорее на прокурора и вообще на сторону обвинения, чем на полицейских, непосредственно арестовавших его.

– Надо полагать, это очень великодушно с его стороны, – отозвалась Трой.

Все такие и им подобные разговоры происходили во время первых, так сказать, ранних сеансов позирования. Теперь же, к пятому дню ее пребывания в «Алебардах», Трой и Хилари стихийно выработали для себя какой-то странновато-товарищеский стиль отношений. Дела с портретом продвигались прекрасно. Художница работала с необычной для себя стремительностью, почти без осечек и промахов. Все шло хорошо.

– Я так рад, – говорил Хилари, – что вам удастся остаться на Рождество. Жаль только, ваш супруг лишен возможности к нам присоединиться. Вот ему бы мои методы, наверное, показались интересными.

– Да, он сейчас в Австралии, по одному делу об экстрадиции.

---

<sup>14</sup> The Scrubs – краткое прозвище мужской лондонской тюрьмы «Уормвуд-Скрабс».

<sup>15</sup> Пинеро, Артур Уинг (1855–1934) – английский драматург.



– Ваша временная потеря, – емко и философически сформулировал Хилари, – дарит мне долговечное приобретение. Чем займемся сегодня днем? Еще одно «заседание»? Я весь к вашим услугам.

– Еще бы только часок, пока свет хороший, – было бы роскошно. А потом, наверное, я немного позанимаюсь в одиночку.

Трой бросила взгляд на своего радушного хозяина – и по совместительству персонажа. Очень любопытного, очень стóящего персонажа, – подумала она. Занимаясь таким, легко сбиться с трактовки образа на карикатуру. Этот яйцевидный череп, хохолок пушистых волос, светло-голубые глаза, глядящие как-то изумленно. Эти губы с вечно подтянутыми кверху уголками – но подтянутыми не в улыбке!.. Впрочем, пришло тут в голову Трой, разве трактовка образа не может переходить в карикатуру, если натура к тому располагает?

Тут художница обнаружила, что Хилари, в свою очередь, разглядывает ее так, словно «натура» – это она, а он – внимательный исследователь.

– Послушайте, – произнесла Трой отрывисто, – а вы, случайно, не морочите мне голову? Это не розыгрыш? Насчет слуг и все такое?

– Нет.

– Нет?

– Уверю вас. Вовсе нет.

– Ну хорошо, – кивнула она. – Тогда вернемся к делу. Мне минут десять надо поразмышлять и повозиться наедине... А потом, если вы будете любезны снова занять свое место, мы продолжим работу.

– Разумеется. Я получаю от нее истинное удовольствие, – ответил Хилари. – Просто, я бы сказал, непомерное.

Вскоре Трой вернулась в библиотеку. Все ее кисти, как обычно, были тщательно вымыты скипидаром. Она нашла их аккуратно выложенными рядом с приличным комком чистых тряпок. Покрытая несмываемым уже налетом краски рабочая блуза, тщательно разглаженная, висела на спинке стула. Откуда-то появился новый столик с поверхностью, сплошь покрытой бумагой, – видимо, его принесли «в дополнение» к самодельной скамейке. Сама скамейка была отодвинута чуть дальше, чтобы освободить место. Мервин принес, промелькнуло в голове у Трой. Изготовитель самодельных устройств против воров, который раньше оформлял дорожные знаки.

И стоило только подумать о нем, как на пороге появился он сам – с настороженным взглядом и легкой порослью вокруг нижней челюсти.

– Прошу прощения, – заговорил Мервин и после небольшой заминки добавил: —... мадам, – словно только сейчас припомнил это слово. – Угодно вам что-нибудь еще?

– Большое, *огромное* спасибо, – с нажимом произнесла Трой. – Ничего больше не нужно. Все просто великолепно. – Ей самой показалась несколько натужной и ненатуральной собственная экспрессия.

– Я тут подумал, – пробормотал Мервин, вперив взгляд в портрет Хилари, – вам не помешает побольше места... у скамейки. Вот что... мадам.

– Да, пожалуй, было тесновато. В самом деле. Благодарю вас.

– Кажется, вы тут едва помещались. Вроде как.

– Зато теперь все хорошо.

На этом Мервин замолчал, но почему-то остался торчать в комнате, неотрывно глядя на картину. Трой, никогда не любившая ни с кем обсуждать еще не оконченные работы, развернулась к нему спиной и принялась готовить палитру. Когда же случайно обернулась, то чуть не вскрикнула, увидев, что лакей приблизился к ней вплотную. Оказалось, он просто ожидал момента, чтобы подать ей рабочую блузу, которую держал наготове бережно и ловко, словно и

впрямь вышколенный слуга – дорогую шубу. Художница ни на миг не ощутила прикосновения его пальцев, когда он помогал ей облачаться.

– Еще раз большое спасибо, – снова повторила Трой в надежде, что хотя бы теперь голос ее прозвучит достаточно решительно и в то же время не слишком грубо, чтобы он наконец удалился.

– Вам спасибо, мадам, – отвечал Мервин, и, как всегда при подобном чудном обмене репликами, ей едва удалось удержать вопрос, готовый слететь с губ: «Мне-то за что?»

(За то, что обращаюсь с ним как с респектабельным служащим усадьбы, зная, что на самом деле передо мной – автор и режиссер непредумышленного убийства, совершенного при помощи самодельной «детской» ловушки? – мелькнуло в голове у Трой.)

Лакей бесшумно удался, осторожно прикрыв за собой дверь.

Вскоре пришел Хилари, и в течение часа Трой снова писала его портрет. Потом нужный свет начал уходить, и, когда хозяин поместья вскользь заметил, что ждет важного междугородного звонка из Лондона, она воспользовалась случаем и «отпросилась» погулять. У нее возникло стойкое ощущение: на данный момент с них обоих довольно друг друга.

### III

Неровная ухабистая дорожка пересекала пустошь, которую Хилари наверняка собирался со временем привести в соответствие со своим представлением о парке для приятных прогулок. Шла эта тропинка от развалин оранжереи прямо через распаханное поле – то самое, которое так хорошо видно из окна ее спальни.

Вот и пугало – набитый соломой допотопный «скоморох». Стоит нетвердо, покосившись в ямке, разрыхленной его же собственным шатанием, нелепо накренился вбок под северным ветром. Облачен в лохмотья, бывшие некогда фраком эдвардианской эпохи<sup>16</sup> и парой черных брюк. Котелок напылен на тугой мешок, призванный изображать голову. Фигуре придана классическая крестообразная поза. К концам поперечной перекладины привязаны какие-то клоунские перчатки, они жалобно колышутся взад-вперед и в такт колыханиям совсем уж диких «останков» чего-то, в чем при известной фантазии можно опознать разорванное в клочья манто. Трой почему-то не сомневалась, что к данному произведению садового искусства приложил руку сам Хилари.

Он уже давно успел рассказать ей, до каких глубин, до каких пределов (и с какими невероятными затратами времени и денег) готов дойти ради точной, достоверной, скрупулезной реставрации «Алебард». По всей стране велась охота за подлинными старинными холстами, которые потом выкупались за любую цену. Стены заново обивались шелком. Панельная обшивка очищалась, чтобы вновь торжественно предстать в своем подлинном великолепии. Потолки восстанавливались методом трудоемкой переборки. Еще хозяин откопал – вероятно, где-то в частных коллекциях побуревших от времени акварелей – викторианских времен зарисовку именно этого конкретного луга под крутым боком холма. И там, на среднем плане, изображено не что иное, как «оживленно жестикулирующее» пугало!

Трой обогнула луг и взобралась прямо по обрывистому склону. Теперь перед ней открывались торфяные болота, и среди них – наконец-то – вилась асфальтированная дорога. По ней художница и направилась прямо вдаль между холмами.

Теперь она находилась много выше уровня «Алебард» и, впервые взглянув на них сверху вниз, увидела, что усадьба имеет форму буквы «Е» без средней палочки и в целом превосходно спроектирована. В библиотеке висела гравюра XVIII века с ее изображением. Теперь, припомнив ее, Трой могла дорисовать в уме на месте современного запустения террасы,

---

<sup>16</sup> Период правления короля Эдуарда VII (1901–1910).

аллеи, искусственную горку, озеро и смотровые площадки, созданные, как сообщил ей Хилари, самим Умелым Брауном<sup>17</sup>. Художница легко нашла глазами свое окно на западном фасаде и ту самую чудовищную оранжерею прямо под ним. Из нескольких каминных труб к небесам безудержными струями неслись шлейфы дыма. Даже здесь до нее доносился слабый запах сгорающей древесины. На переднем плане фигура Винсента, укороченная расстоянием до масштабов пигмея, по-прежнему катала свою тележку. На заднем – бульдозер медленно реализовывал грандиозные планы преобразований Хилари. Как раз в этом месте некогда возвышался «ландшафтный» бугорок, воздвигнутый капризом хозяев над изящным озерцом, а после уничтоженный направленным взрывом бомбы. Теперь бульдозер вел работу над ошибками: вычерпывал землю под новое озеро и насыпал из нее новый холмик. Вершину его, без сомнения, увенчает в конце какая-нибудь беседка под названием «Каприз Хилари» или что-нибудь в этом роде.

Что ж, наверняка получится очень даже красиво, думала Трой, глядя на это, но все-таки есть неустрашимая разница между подлинной стариной и ее репликой, между «вот оно, ни капельки не изменилось» и «вышло точно, как было когда-то», если вы понимаете, что я имею в виду. Так что все великие барахолки мира, все свалки старинного металлолома, аукционы высокого антиквариата и футбольные почтовые тотализаторы не помогут ему вернуть прошлое.

Она резко повернулась и сделала ровно пятнадцать шагов навстречу северному ветру.

Словно чья-то невидимая рука щелкнула затвором в механизме проектора, и «слайд» сменился, вызвав на «экране» изображение прямо противоположное по художественно-психологическому смыслу. Теперь внизу перед Трой открывалась картина Юдоли, как ее называли местные жители, и молодой женщине сразу пришло в голову: какая точная, устрашающая гармония – между этим безнадёжным словом и видом, которое оно обозначает. Ведь название «Юдоль» относится не только к долине по эту сторону гряды холмов, но и к одноименной тюрьме с ее пересохшими рвами, заборами, сторожевыми вышками, плацами, бараками и рядами ржавых труб, словно нарочно натканных тут в качестве макета – чтобы вызвать у людей содрогание. Муж Трой иногда называл «Юдоль» «домом, где разбиваются сердца».

Порывистый ветер уже успел нанести в долину тонкого кружева пороши, и теперь этот вид – вся эта мрачно-фантастическая «гравюра по металлу» – насквозь простреливался косыми снежными заносами, вылетевшими из низкой «чаши» между холмами с той же неистовой скоростью, что и влетали.

Прямо в лицо Трой глядел дорожный знак:

**«КРУТОЙ СПУСК! ОПАСНЫЕ ВИРАЖИ! НАЛЕДЬ! СБАВЬТЕ СКОРОСТЬ!»**

Тут же, словно чтобы проиллюстрировать эти грозные предупреждения, откуда ни возьмись со стороны «Алебард» вверх по дороге припыхтел крытый автофургон. Он притормозил прямо позади нее, лязгнув сцеплением, переходя на первую передачу, и пошел перекатываться вниз, к Юдоли.

В тот миг, когда машина скрылась за ближайшим поворотом, из-за него показался пешеход – мужчина в плотном макинтоше и фетровой шляпе медленно, но верно карабкался по направлению к Трой. Когда он поднял голову, ее взору открылись покрасневшее лицо, волна белоснежно-седых усов и голубые глаза.

Художница уж совсем было решила развернуться в сторону дома, но смутная мысль – неловко же, мол, вот так вот резко исчезать на виду у человека – остановила ее. Незнакомец тем временем приблизился к ней, приподнял шляпу, вежливо произнес: «Добрый вечер» – и затем, минуту поколебавшись, добавил: «Крутовато здесь подниматься». Голос у него был приятный.

---

<sup>17</sup> Английский ландшафтный архитектор Ланселот Браун (1715–1783), прозванный за свое искусство «Умелым» (Capability Brown).

– Да уж, – ответила Трой. – Пожалуй, мне пора трубить отход. Я шла сюда от самых «Алебард».

– Ничего себе. Трудноватое, наверное, восхождение. Но мое вышло еще труднее... Прошу прощения, ведь вы, наверное, та самая знаменитая гостья Хилари Билл-Тасмана, не так ли? А моя фамилия Марчбэнкс.

– Да-да... Он мне рассказывал...

– Я такие долгие марш-броски совершаю почти каждый вечер – полезно для легких, для ног... И еще приятно, знаете ли, время от времени выбираться из «Юдоли».

– Могу себе представить.

– Вот именно, – кивнул майор Марчбэнкс. – Мрачновато выглядит, правда? Однако что же это я? Держу вас на этом зверском ветру. Ну, надеюсь скоро встретить вас снова – под рождественской елкой!

– И я надеюсь, – поддакнула Трой.

– Держу пари, вы находите чудным весь этот домашний уклад, там, в «Алебардах», а?

– Да, необычного много.

– Не то слово. Однако, – прибавил поспешно майор, словно желая развеять некое не выраженное вслух сомнение, – я только за, поверьте. Всецело за!

На этом он снова приподнял намокшую шляпу, отсалютовал тростью и стремительно удалился той же дорогой, которой явился.

А Трой вернулась в «Алебарды».

Они с Хилари выпили чаю в очень уютной комнатке с камином, где потрескивали кедровые поленья, – это оказался будуар прабабки хозяина в пятом колене. Ее портрет висел как раз над очагом – с него смотрела озорного вида пожилая дама, черты ее лица, как ни странно, имели отдаленно различимое сходство с чертами Хилари. Стены здесь были оклеены муаровыми обоями цвета зеленого яблока, на окнах – занавески, вышитые розами. Из обстановки – весьма изысканная ширма, французский кабинетный столик из золоченой бронзы, несколько элегантных стульев первоклассной работы и повсюду в щедром изобилии – фарфоровые купидоны.

– Смею предположить, – произнес Хилари ртом, набитым горячей масляной выпечкой, – вы находите то, что видите вокруг, чересчур кисейным для холостяка. Но дело в том, что все это уже ждет свою *chateleine*<sup>18</sup>.

– Ах вот как?

– Точно так. Ее имя – Крессида Тоттенхэм, и она тоже присоединится к нам завтра. Мы собираемся объявить о помолвке.

– Расскажите поподробнее – какая она? – попросила Трой. Она не сомневалась, что такая просьба доставит Хилари удовольствие.

– Бог ты мой, позвольте-ка подумать... Если б ее можно было попробовать на вкус, она оказалась бы, наверное, соленой с легчайшим душком сладкого лимона.

– Вы говорите словно о жареной камбале!

– Да? Могу ответить лишь одно: на нее Крессида совершенно не похожа.

– На кого же она *похожа*?

– Очень надеюсь, что на женщину, чей портрет вам захочется написать.

– Ага! – воскликнула Трой. – Так вот, значит, куда дует ветер.

– Да, он дует в точности туда, причем неперемennyй и благоприятный. Рассмотрите ее хорошенько, а после ответьте мне прямо – согласны ли вы принять еще один билл-тасмановский заказ, причем гораздо более приятный на глаз. Вы заметили, что в северной стене обеденной залы имеется одна свободная ниша?

---

<sup>18</sup> Хозяйка замка, супруга феодального сеньора (*фр.*).

– Заметила.

– Она оставлена для изображения Крессиды Тоттенхэм кисти Агаты Трой Аллейн.

– Понятно.

– Крессида – и вправду очаровательное создание, честное слово, – произнес Хилари, словно стараясь убедить в этом самого себя. – Вот погодите, сами убедитесь. Кстати, она – из театрального мира. То есть, я хочу сказать... Вот именно что *из мира*. Пока она в нем только лишь вращается. Окончила академию чего-то там, а потом перекинулась на какой-то органический экспрессивизм, как она это называет. Я пытался объяснить, что термин этот бессмыслен и совершенно убог, но она ничего не хочет слушать.

– И как занимаются этим экспрессивизмом?

– Насколько удалось разобраться мне, снимают с себя одежду, что, конечно, может только радовать глаз, если речь идет о Крессиде, а затем разрисовывают лица какими-то бледно-зелеными завитками. Опять-таки в случае моей невесты это, по-моему, нелепо – к чему скрывать такие природные данные? Да и для кожи лица вредно.

– Звучит загадочно.

– К большому сожалению, мой выбор не вполне одобряет тетушка Клумба, а дядя Блошка при этом является опекуном Крессиды. Ее отец служил под командованием дяди Блошки и погиб в оккупированной Германии, спасая дяде жизнь. После этого дядя Блошка, конечно, чувствовал себя обязанным вырастить ее.

– Понятно, – все так же односложно отозвалась Трой.

– Знаете, что мне в вас нравится? – неожиданно спросил Хилари. – Кроме вашей гениальности и приятной наружности? Отсутствие излишнего и избыточного декора. Вы – словно превосходное произведение искусства, притом одной из самых лучших, продуктивных эпох. Ей-богу, не будь Крессиды, я бы начал оказывать вам знаки внимания.

– И этим *полностью* вышибли бы меня из колеи, – с некоторым нажимом ответила художница.

– Вы не любите вступать со своими персонажами в личные отношения?

– Вы очень точно сформулировали мою мысль.

– Что ж, конечно... Я понимаю, – сказал Хилари.

– Отлично.

Хозяин усадьбы доел булочку, смочил салфетку горячей водой, вытер ею пальцы и отошел к окну. Усеянные розами занавески были задернуты, однако теперь он слегка раздвинул их и, прищурившись, всмотрелся в темноту.

– Снег все падает, – заметил он. – Дяде Блошке и тете Клумбе предстоит романтическое путешествие через торфяные болота.

– То есть, вы хотите сказать – они приезжают сегодня?

– А? Да-да, забыл вам сказать. Тот междугородный звонок из Лондона, помните? Это звонила их экономка. Оказывается, они выехали еще до рассвета и рассчитывают добраться сюда к ужину.

– У них изменились планы?

– Почему-то вдруг решили сняться с места досрочно. Обычно они начинают готовиться к любому вояжу дня за три, но при этом ощущение, так сказать, надвигающегося отъезда вызывает у них чувство тревоги. Вот и решили покончить с ним поскорее... Я, пожалуй, пойду отдохну. А вы?

– После прогулки что-то клонит в сон. Так что я тоже.

– Это все северный ветер. На новичков он наводит дремоту. Я попрошу Найджела разбудить вас в полвосьмого, хорошо? Ужин будет подан в восемь тридцать, гонг – в четверть девятого. Хорошего отдыха! – заключил Хилари, открывая перед художницей дверь.



Пройдя в непосредственной близости мимо него, Трой вдруг остро, почти на уровне инстинкта, поняла, какой он высокий, и еще – ощутила запах харриссовского твида<sup>19</sup> и еще чего-то, более экзотического.

– Хорошо вам отдохнуть, – повторил Хилари, и она спиной почувствовала, как он провозжает ее взглядом.

#### IV

В спальне ее поджидал Найджел. Он уже успел аккуратно разложить ее ярко-рубиновое платье и все к нему полагавшееся – Трой оставалось лишь надеяться, что этот наряд не оскорбил его своей «греховностью».

Младший лакей стоял на коленях, безо всякой нужды раздувая ярко пылавший в камине огонь. Волосы у Найджела были такие светлые, что художница рада была убедиться, что хоть глаза у него – за изобильно густыми ресницами – не розовые, как у настоящего альбиноса. Он поднялся на ноги и приглушенным голосом спросил то же, что днем Мервин: угодно ли ей что-нибудь еще? При этом слуга пристально разглядывал пол, не поднимая глаз на Трой ни на секунду. Нет, ей больше ничего не нужно.

– Погода ночью будет бурной, – прибавила она, стараясь говорить как можно естественнее, но замечание, увы, прозвучало скорее как реплика из «Корсиканских братьев»<sup>20</sup>.

– Это как будет угодно Господу, миссис Аллейн, – сурово ответил Найджел и на том оставил ее одну. Ничего, здравый рассудок ведь к нему вернулся – Трой напомнила себе заверения Хилари.

Она погрузилась в ванну, с наслаждением отдаваясь горячим смолистым парам. Если такой образ жизни продлится еще какое-то время, он, пожалуй, может всерьез развратить ее морально. Однако затем ей пришло в голову (Найджел, несомненно, нашел бы эту мысль глубоко ложной и порочной), что на данный момент он скорее укрепляет лучшие стороны ее личности.

Затем Трой посидела в полудреме у камина, смутно и с удовольствием впитывая тишину и покой, какие бывают в доме, только когда снаружи, там, в огромном окружающем мире, метет снег. Ровно в половине восьмого Найджел вспугнул ее деликатным стуком в дверь, и она нехотя поднялась одеваться. В комнате имелось псише<sup>21</sup>, и молодая женщина не смогла отказать себе в удовольствии полюбоваться на себя и убедиться, что выглядит она в рубиновом платье отлично.

Тем временем тишину стали пререзать отдаленные звуки прибытия гостей: шум автомобильного мотора, хлопанье дверей... Потом, после довольно длинной паузы, голоса зазвучали в коридоре, затем постепенно перенеслись в соседнее с Трой помещение... Первый был женский, капризный и сварливый. Он прокричал – по всей видимости, прямо с порога комнаты: «Совсем даже нет! Ерунда! Какая еще усталость, кто тут устал? Одеваться к обеду не будем. Я сказала, одеваться не будем!» – Снова пауза. Затем ворчливый голос зазвучал опять: – Маулт ведь тебе сейчас не нужен?! Маулт! Сейчас вы полковнику не нужны! Позже распакуете вещи. Я сказала, пусть вещи распакует позже! – Дядя Блошка, наверное, глуховат, подумала Трой. – И хватит уже, – продолжала грохотать невидимая дама, – поднимать шум из-за этой дурацкой бороды». Из-за бороды? – удивилась Трой. Не ослышалась ли она? О какой бороде может идти речь?

---

<sup>19</sup> Высококачественный британский твид ручного производства.

<sup>20</sup> Голливудский приключенческий боевик 1941 г. по одноименному роману Александра Дюма-отца.

<sup>21</sup> Старинное зеркало в раме с особыми стержнями, позволяющими устанавливать его в наклонном положении.

Минуту или две за стеной ничего не было слышно. Трой сделала вывод, что или полковник, или миссис Блошингтон Форрестер – кто-то один из них – удалился в ванную, примыкавшую к их комнате с дальней стороны. Эту теорию сейчас же подкрепил мужской голос, раздавшийся словно прямо из-за шкафа в комнате Трой. Голос оглушительно завопил: «Клу! Моя борода!» Внятного ответа ниоткуда не последовало.

Вскоре после этого послышалось, как Форрестеры покидают свои апартаменты.

Художница решила дать им немного времени пообщаться с Хилари по-родственному, а уж потом самой присоединиться к компании, так что когда из башенки над конюшней донесся звук гонга – по словам Хилари, он раздобыл его где-то среди старинных трофеев, награбленных еще Генрихом VIII во время роспуска монастырей, – она все еще стояла, уставившись в каком-то странном оцепенении на огонь в камине. Интересно, задалась вопросом Трой, не напоминает ли этот звук Найджелу о днях, проведенных в святой обители – то есть еще до того, как крыша у него поехала?

Резким движением головы она стряхнула с себя задумчивость и устремилась вниз по лестнице к парадному залу, где, как всегда начеку, уже подстерегал Мервин. Он перенаправил гостью все в тот же «зеленый будуар».

– В библиотеке мы теперь ничего не трогаем, – произнес главный лакей со значительной ухмылкой, – мадам.

– Очень деликатно с вашей стороны, – ответила Трой.

Мервин распахнул перед нею двери зеленого будуара, и она вошла внутрь.

Форрестеры стояли у камина вместе с Хилари, который по случаю облачился в смокинг сливового цвета и повязал несколько широковатый галстук. Полковник оказался усатым стариканом с выражением какого-то постоянного удивления на бледно-розовом лице. Бороды у него не было. Был слуховой аппарат.

Миссис Форрестер выглядела примерно так же, как звучал ее голос: внушительно. Черты ее лица казались грубоватыми, рот походил на пружинный капкан. За очками с линзами из горного хрусталя блестели глаза чуть навывкате. Жидкие седые волосы на затылке были собраны в пучок наподобие сдобной булки. Юбка пожилой леди застыла где-то в диапазоне между «миди» и «макси» и уж наверняка скрывала под собой не одну пару фланелевого белья. Верхнюю ее половину облегали плотные шерстяные одежды разнообразных оттенков тусклого – хоть и в красно-коричневых тонах. Шею она украсила ожерельем из жемчуга – по оценке Трой, натурального и самого что ни на есть превосходного; пальцы – старомодными кольцами, – все в мыльных разводах. В руках у супруги полковника помещалась плетеная сумка с вязанием неуловимого назначения и носовым платком.

Хилари представил их друг другу. Полковник буквально просиял улыбкой и отвесил новой знакомой легкий поклон. Миссис Форрестер отрывисто кивнула.

– Ну, как вам тут живется? Не мерзнете? – спросила она.

– Все нет, благодарю вас.

– Я потому спрашиваю, что вы наверняка проводите много времени во всех этих душных студиях, где рисуют обнаженную натуру. Я говорю: об-на-жен-ну-ю на-ту-ру!

Видимо, как догадалась Трой, привычка повторять каждую фразу фортиссимо так глубоко укоренилась в сознании миссис Форрестер и дошла – ради блага ее мужа, разумеется – до такого автоматизма, что проявлялась сама собой. Так что робкое замечание полковника – у него, мол, нынче при себе слуховой аппарат – решительная дама просто проигнорировала.

– Ну, меня Трой, во всяком случае, не рисует обнаженным, дорогая тетушка, – произнес Хилари, разливая по бокалам напитки.

– Уж это было бы нечто.

– Мне сдается, что ваши представления о жизни художников основаны во многом на «Трильби»<sup>22</sup> и «La Vie de Boheme»<sup>23</sup>.

– О, а я видел Бирбома Три<sup>24</sup> как раз в «Трильби», – вступил в разговор полковник Форрестер. – Он там так красиво умер – навзничь на стол! Здорово получилось!

В это время раздался стук в дверь, и вошел человек с явно озабоченным выражением лица. К тому же оно было не просто озабоченным, а вдобавок обезображенным, словно его когда-то долго жгли на живом огне. Множественные шрамы сбегали по щекам вниз к перекошенной линии рта.

– А, Маулт, – обернулся к нему полковник.

– Прошу прощения, сэр, что осмелился побеспокоить вас, – обратился вошедший к Хилари. – Я просто должен заверить полковника, сэр, в том, что все в порядке. Борода на месте, сэр.

– Ах, вот вы о чем, Маулт! Хорошо, хорошо, просто прекрасно, чудно и великолепно! – вскричал Форрестер.

– Благодарю вас, сэр. – Маулт поклонился и вышел.

– О! Что такое с вашей бородой, дядя Блошка?! – спросил Хилари (к великому, надо сказать, облегчению Трой).

– Ах, ничего особенного, мой юный друг, как видишь, ничего особенного! Я так волновался – вдруг забыл ее дома, а потом еще переживал, как бы она не потерялась в чемодане.

– Ну, вот видите, Фред, не помялась. Я же говорил – не помнется.

– Вижу, вижу, так что все прекрасно, можно расслабиться.

– Вы будете Санта-Клаусом на Рождество, да, полковник? – рискнула спросить Трой, и старик снова радостно просиял, а потом залился краской смущения.

– Так и думал, что всем первым делом придет в голову именно это, – ответил он. – Но нет. Я буду Друидом! Как вам это нравится, а?

– То есть вы хотите сказать, что принадлежите к...

– Не-е-ет! – громко прервал ее Хилари. – Вы подумали, что он принадлежит к какому-нибудь псевдоисторическому «Древнему ордену», чьи члены щеголяют в бородах из ваты и выставляют себя полными идиотами каждый второй вторник каждого месяца? Ха!

– Ну ладно, хватит, старина, перестань, – прервал его дядя. – Ты к ним несправедлив.

– Ну, разве что самую малость. Однако дело не в этом. – Хилари снова повернулся к Трой. – Просто в «Алебардах» святой Николай Мирликийский, известный также как Санта-Клаус и еще под целым ворохом старинных тевтонских имен, официально заменен по-настоящему древней и гораздо более подлинной фигурой: великим провозвестником зимнего солнцеворота и верховным жрецом всех его обрядов. Тем самым, который оставил – сейчас уже не важно, умышленно или нет – столько своих профессиональных навыков и функций в наследство христианским преемникам. То есть фигурой Друида!

– И приходской священник совсем не против, – с горячностью вставил полковник, – ей-богу, уверяю вас. Он нисколько не против.

– Это меня как раз меньше всего удивляет, – ядовито вставила миссис Форрестер и с загадочным выражением фыркнула.

– Да-да, он и сам приходит к нам на все праздники. В общем, вот так-то – сыграю я, понимаете ли, Друида. С тех пор как Хилари поселился в «Алебардах», я каждый год его играю. То

---

<sup>22</sup> Роман английского писателя Джорджа Дюморье (1834–1896), где повествуется, в частности, о богемной среде художников и их моделей в Париже.

<sup>23</sup> Роман французского писателя Анри Мюрге (1822–1861) *Scènes de la vie de Bohème*, «Сцены из жизни богемы», впоследствии переделанный в популярную пьесу.

<sup>24</sup> Герберт Бирбом Три (1852–1917) – английский артист и режиссер.

есть у нас, знаете ли, будет и елка, и «ветка поцелуев»<sup>25</sup>, и сколько угодно букетиков из омелы. Ведь у нас собираются и все детишки – все, сколько их ни будет в тот момент на месте: и из Юдоли приходят, и отовсюду по соседству. Чудесные получаются представления, и я обожаю в них участвовать. А вы любите переодеваться и наряжаться?

Он задал этот вопрос с таким волнением и воодушевлением, словно какой-нибудь сказочный герой из «Алисы в Стране чудес», что у Трой не было другого выхода кроме как ответить утвердительно, причем с энтузиазмом. Теперь она почти ждала от озорного полковника дружеского предложения нарядиться как-нибудь на днях вместе.

– Дядюшка Блошка – прекрасный исполнитель, – сказал Хилари, – а его борода – настоящий *pièce de resistance*<sup>26</sup>. Ее делает по спецзаказу фирма «Лучшие парики мира»<sup>27</sup>, представляете? Она не посрамила бы и короля Лира! А сами волосы, сам материал для бород! Ничего общего с обыкновенной химической ерундой. Сами увидите.

– Но на сей раз мы решили внести кое-какие изменения, – с энтузиазмом вступил полковник Форрестер. – В фирме мою бороду слегка отреставрировали. Тамошний парень сказал: слушайте, если с ней ничего не сделать, будет выглядеть, словно вам все равно, знаете ли. Словно вы самоустраняетесь. Нельзя же было такого допустить, знаете ли.

Тут подошел Хилари с напитками, два из которых почему-то дымились так, что даже лимоны, насаженные на края бокалов, запотели.

– Вот ваш грог из рома, тетя Клу. Попробуйте, сахару хватает?

Миссис Форрестер обернула горлышко бокала носовым платком и присела в кресло.

– Вроде все нормально. А Фреду в стакан ты муската добавил?

– Не добавлял.

– Ну и ладно.

– Наверное, вам кажется чудным, – полковник подмигнул Трой, – что мы тут пьем грог из рома перед ужином, но после долгой дороги, знаете ли, это лучшее средство, ей-богу. Получается все равно как на ночь, никакой разницы.

– Аромат от этого грога восхитительный.

– Хотите бокальчик? – тут же предложил Хилари. – Вместо «Белой женщины»<sup>28</sup>?

– Да нет, спасибо. Пожалуй, я останусь верна «Белой женщине».

– Ну и правильно. Я тоже. Итак, мои хорошие, – обратился Хилари ко всем присутствующим, – в этом году нам предстоит совсем домашняя, камерная вечеринка, так сказать, за закрытыми дверями. Ждем еще только Крессида и дядю Берта, они приедут завтра.

– Ты все еще собираешься обвенчаться с Крессидой? – спросил тетя Клумба.

– Естественно. Все как договорено. И я страшно надеюсь, тетушка Клу, что со второго взгляда она вам гораздо больше приглянется.

– Это будет не второй, а пятидесятый взгляд, глаза уже натерла.

– В общем, вы поняли, о чем я. Второй – с тех пор, как мы помолвлены.

– И что с тех пор изменилось? – бросила миссис Форрестер довольно ядовито и как-то двусмысленно.

– Ну, знаете, тетя Клу, мне казалось... – начал было Хилари и как-то смущенно потер нос. – В общем, не забывайте, мы ведь познакомились в вашем доме.

– Вот тем и хуже. А я предупреждала твоего дядьку, я ведь предупреждала тебя, Фред.

---

<sup>25</sup> Одно из основных традиционных рождественских украшений в Англии, известна также как «рождественская омела». Название происходит от обычая, согласно которому девушку, оказавшуюся прямо под веткой, позволено поцеловать любому, кто это заметит.

<sup>26</sup> Самое лучшее, главное блюдо (*фр.*).

<sup>27</sup> Старинная лондонская фирма, обслуживающая театры.

<sup>28</sup> Одна из разновидностей т. н. «кислых» коктейлей, состоящих из алкогольной основы, сахара, воды, лимонного сока и льда.

– О чем это ты, Клу?  
– О твоей заботе! О дочке Тоттенхэма! О Крессиде!  
– Что это еще за «моя забота»? Ты иногда так странно выражаешься, дорогуша.  
– Ну да бог с ним, – заметил Хилари. – Надеюсь, когда-нибудь вы перемените свое мнение, тетя.

– Блажен, кто верует. – Старая леди поджала губы. – А вы знакомы с мисс Тоттенхэм?  
– Пока нет.  
– По-моему, Хилари думает, что она перейдет к нему в придачу к дому. Мы всё о Крессиде! – проорала она на ухо мужу.  
– Слышу, слышу, – покорно отозвался тот.

Последовало молчание, в течение которого все отпили по глотку, причем миссис Форрестер сделала это с шумом и даже подула на поверхность напитка.

– Я тут как следует подготовился к Рождеству, – переменял тему Хилари, – кажется, получше, чем в прошлом году. Для вас, дядюшка Блошка, подготовлены другие кулисы. Ваш выход будет обставлен по-новому.

– Вот как?! Ну надо же. Нет, в самом деле? Что ты говоришь?  
– Да-да, прямо снаружи. Из французского окна, того, что за елкой.  
– Снаружи?! – рывкнула вдруг миссис Форрестер. – Я что, неправильно расслышала, Хилари? Ты что, собираешься выставить ради своей мизансцены дядю на улицу прямо в метель? Я говорю: в ме-тель?!

– Всего на пару минут, тетя Клу.  
– Ты, наверное, позабыл, что у Фреда плохо с кровообращением.  
– Все со мной будет в порядке, Клу.  
– Не одобряю я этого. Я говорю...  
– Да ладно тебе! Уверяю, я... И вообще, знаешь ли, у меня стеганое нижнее белье!  
– Помолчи. Так вот, я говорю...  
– Да нет же, ты послушай...  
– Это ты послушай!  
– Не ворчи, Клу, не ворчи. И вообще, у меня сапоги на меху. Так что ты там говорил, мальчуган?

– У меня есть чудесная магнитофонная запись оленьего храпа и бубенчиков... Подождите же все, не перебивайте, дайте сказать. Знаете, я тут провел кое-какие изыскания, хорошо потрудился и обнаружил, что имеется некоторая переключка между тевтонской – то есть, я хочу сказать, германской – традицией и друидической. А если бы даже ее не было, – быстро проговорил Хилари, – то ее следовало бы выдумать! Так вот. Дядя Блошка, вы должны перед тем, как предстать перед публикой, еще из укрытия воскликнуть: «Эге-гей!», а уж потом войти в комнату.

– Ну, знаешь, паренек, нынче я уже не так залихватски «восклицаю», – с некоторым беспокойством отреагировал полковник. – Как в Пирбрайте<sup>29</sup>, у меня не получится.

– А я об этом подумал заранее! И уже записал «эге-гей» прямо на пленку вместе с бубенчиками и храпом. Катберт «навосклицал» – по моей просьбе. У него очень зычный голос, просто громоподобный.

– Да? Ну, прекрасно, прекрасно.  
– У нас будет ровно тридцать один ребенок и с дюжину родителей. Ну и еще, конечно, обычный ассортимент окрестных фермеров и уездных деятелей. Плюс все, кто работает в саду, ну и домашняя обслуга тоже.

---

<sup>29</sup> Пирбрайт – деревня в графстве Суррей, где располагаются известные армейские казармы.



– А эти?.. Надсмотрщики? То есть надзиратели. Ну, ты понимаешь – *оттуда?* – поинтересовалась миссис Форрестер.

– И они, конечно, тоже. Две семьи из казармы для женатых. С женами и домочадцами, так сказать.

– А Марчбэнкс?

– И он, если сможет освободиться. У него там свои заботы. Капеллан готовит для заключенных свое рождественское блюдо – весьма, полагаю, малопитательное. Принять перезвон тюремных колоколов за наши бубенцы трудно даже при богатом воображении.

– Ну что ж, – заметила тетя Клумба, сделав порядочный глоток грога с ромом, – надеюсь, ты знаешь, что делаешь. У меня лично об этом не сложилось ни малейшего представления. Зато я нюхом чувствую опасность.

– Не каркайте, тетя, что вы такое говорите, – отреагировал Хилари.

В этот момент появился Катберт и объявил, что ужин подан. Он и вправду обладал «очень зычным, громоподобным» голосом.

## Глава 2

### Канун Рождества

#### I

Перед тем как отправиться спать, вся компания прослушала по радио прогноз погоды для графства и окрестностей. В течение всего сочельника и далее на Рождество ожидался плотный снег, а вот после рождественской ночи он должен был вроде как прекратиться. Со стороны Атлантики приближался теплый воздушный фронт.

– «Теплый воздушный фронт», – обронил Хилари, – мне всегда представляется в образе декольте прекрасной дамы времен Регентства<sup>30</sup>, которая то и дело без усталости тащит свой пышный бюст на какой-нибудь очередной раут или бал, чтобы размять его там хорошенько.

– Не сомневаюсь, – колко заметила тетушка, – что Крессида может сыграть в этой фантазии главную роль.

– А знаете, дорогая, пожалуй, что может, – невозмутимо ответил Хилари и поцеловал миссис Форрестер в макушку, пожелав спокойной ночи.

А Трой в этот вечер, вешая на плечики свое чудесное красное платье, сделала важное наблюдение: ниша, в которую встроен платяной шкаф в ее комнате, напрямую сообщается с нишей в комнате Форрестеров. Кладка древней каменной стены здесь, видимо, разобрана, так что секции для одежды разделены только тонкой деревянной перегородкой.

Наблюдение стало возможно благодаря тому, что миссис Форрестер в это самое время, судя по всему, развешивала в шкафу свою одежду. Трой отчетливо слышала скрип вешалок по перекладине. И вздрогнула – чуть не подпрыгнула даже, – когда вдруг еще более отчетливо услышала свое имя, произнесенное, казалось, ей в самое ухо!

– *Трой!* Что за странное имя? Разве такое дают при крещении?

Полковник Форрестер отвечал откуда-то из дальних недр своих апартаментов:

– ...да нет... понимаешь ли... известна тем, что...

Похоже, голова его была в этот момент обернута каким-то куском материи. Миссис Форрестер реагировала крайне сердитым тоном:

– А знаешь, что я думаю по этому поводу?! – вскричала она, загрохотав вешалками. – Я говорю: зна-ешь?..

Трой, как это ни предосудительно, прикинула ухом к задней стенке гардероба.

– ...не доверяю... – продолжал визгливый голос. – С самого начала не доверяла. Сам знаешь. – Последовала пауза, а за ней финальный вопль: – ...тем скорее оставили целиком и полностью на милость убийц! Вот так! – Последовал еще один, последний лязг плечиков по перекладине, и дверцы шкафа с шумом захлопнулись.

В постель Трой улеглась в каком-то тумане, но был ли этот туман вызван лукулловым ужином, поданным по наущению Хилари Кискоманом, или вообще всем комплексом необыкновенных обстоятельств, в какие она оказалась поставлена, о том художница и сама не взялась бы судить.

Перед тем как раздеться, ей казалось: она вот-вот готова заснуть, а теперь вот ворочалась с открытыми глазами, прислушиваясь к малейшим шорохам поленьев за каминной решеткой,

---

<sup>30</sup> Эпоха с 1811 по 1820 год, когда в Великобритании при своем безумном отце Георге III регентом был будущий король Георг IV.

и еще долго шорохи эти в ее усталом сознании заглушали вздохи и завывания злого ночного ветра за окном. Нет, ну чудеса, да и только, подумалось ей.

Какое-то время перед ее внутренним взором метались бессвязные, хотя и четкие картины, а потом вдруг показалось, будто откуда-то из темноты она опять слышит голоса. «Во сне, наверное», – пробормотала девушка. В камине заурчало от случайного порыва воздуха, затем все стихло, и в эту тишину вновь вторглись смутные «тени» человеческой речи – словно бы ниоткуда и приглушенно, как при почти выключенном звуке телевизора. Наконец от этих «теней» остался только едва уловимый слухом шлейф.

Но теперь было очевидно, что шлейф этот тянется из-под окон. Шлейф мужского голоса... Нет, двух голосов. Какой-то диалог, слов не разобрать.

Трой выскользнула из постели, в неверном свете гаснущего огня в камине двинулась к оконному проему и раздвинула занавески.

А на улице не так темно, как ей казалось. Взгляду представился пейзаж, запросто вдохновивший бы Джейн Эйр на один из эскизов, какие она так любила набрасывать. В сплошной линии облаков ветра нарисовали четкий разлом. Луна – точнее, месяц в последней четвертинке перед исчезновением отбрасывал черные тени на снежные дорожки, как будто ведущие в загробный мир. На заднем плане вздымались холмы торфяников, а на переднем сверкало нагромождение битого стекла от давно надоевшей зимней оранжереи. Неподалеку от него, однако, сверкали огоньки двух фонариков – один из них оставлял четкий желтый круг на белой поверхности мерзлой земли. Другой беспорядочно сновал по поверхности невесть откуда взявшегося громадного деревянного ящика с трафаретной надписью по всей длине: «Музыкальный инструмент, не кантовать, обращаться очень осторожно!» Кажется, ящик был водружен на какое-то транспортное средство – возможно, сани.

К этому моменту Трой направила взглядом в ночи двух мужчин в непромокаемых пальто с капюшонами – клеенчатая ткань отсвечивала на ходу. Тот из них, что казался «главным», оживленно жестикулировал, на что-то указывал пальцем и вертелся направо и налево. Фигура его слегка сгибалась на ветру. На плече его художница разглядела что-то вроде бечевы или буксировочного троса. Руки второго, защищенные теплыми перчатками или варежками, упирались в заднюю часть ящика и всем своим положением как бы выражали готовность к действию. В какой-то момент этот человек запрокинул голову и посмотрел вверх – на секунду в ярком освещении предстало его лицо. Это был Найджел.

Что касается первого, то хотя Винсента – ну, того самого шофера-садовника-недоубийцу – Трой видела лишь два раза, да и то лишь из окна и с вершины холма, она почему-то была уверена: это он.

– Ать! – как-то несуразно вскричал предполагаемый Винсент, и вся эта нелепая скульптурно-театральная композиция скрылась за углом западного крыла «Алебард» в направлении парадного входа. В ту же минуту месяц зашел за тучи.

Трой собралась было улечься обратно в кровать, но перед тем бросила взгляд на каминные часы, обрамленные корпусом из севрского фарфора, и страшно удивилась, обнаружив, что еще только десять минут первого.

Тем не менее заснула она на сей раз моментально и пробудилась только от звука раздвигаемых штор.

– Доброе утро, Найджел, – проговорила Трой.

– Доброе утро, – невнятно и тихо произнес Найджел, – мадам.

По-прежнему опустив очи долу, он поставил поднос с чаем на прикроватную тумбочку.

– Здрово навалило за ночь?

– Не очень, – тяжело вздохнул лакей и повернулся к двери.

– А мне показалось, мело довольно-таки сильно. Наверное, тяжело было сани толкать? Небось вы замерзли?

Слуга замер на месте и впервые за все время знакомства поднял на Трой глаза – белесые, почти бесцветные, они странно сверкали из-под выцветших ресниц.

– Я как раз случайно выглянула в окно, понимаете ли, – объяснила Трой. «И чего это он, черт возьми, испугался, чего ему бояться?»

Найджел еще несколько секунд постоял без движения, словно истукан, а затем выговорил:

– Вот как? – И опять направился к выходу. Затем, словно заправский актер, выдержав шекспировскую паузу, добавил: – Как неожиданно. – И вышел.

Причина этого замешательства и удивления лакея стала ясна Трой чуть позже, когда она спустилась вниз к завтраку.

Там, за окном, на скупом зимнем солнце блистали значительные изменения, произошедшие в окружающем мире под влиянием «не очень сильно» навалившего снега. Торфяные болота превратились в фантастические бело-голубые горно-складчатые арки гигантского размера, деревья за ночь с угодливой готовностью подставили плечи под наградные эполеты Королевы Зимы, и вообще все внешнее пространство, усеянное теперь снегоуборочными тракторами, выглядело каким-то безумно упрощенным по сравнению со вчерашним разнообразием видов и сцен. Будто одноцветное покрывало накинули на всю природу.

Завтрак в «Алебардах» подавался в западном крыле. Как раз из этой утренней столовой вел узкий коридор в библиотеку. Последняя, собственно, представляла собой своего рода «фонарный» флигель, откуда открывался обзор на три стороны света.

Трой решила лишний раз взглянуть на свою работу. Войдя в библиотеку, несколько минут она хмуро, закусив большой палец, созерцала холст, а потом перевела наметанный глаз на основной двор усадьбы за окном. В дальнем его тупике, уже заваленный снегом, стоял какой-то четырехугольный объект. Художнице не составило труда опознать его: трафаретная надпись на боку еще не совсем исчезла под белой «маскировкой».

Вокруг него, точно так же как ночью, сустились Найджел с Винсентом – сгребали снег полными тачками и разравнивали его вокруг странного предмета линиями наподобие ступеней. Чтобы получалось идеально ровно, в основания этих ступеней были заложены деревянные дощечки и блоки. Некоторое время Трой наблюдала за этим процессом, а затем отправилась к столу.

Там в одиночестве у окна уже стоял Хилари и медленно смаковал кашу из пиалы.

– Привет, привет! – воскликнул он, заметив свою гостью. – Видали, как кипит работа? Не правда ли, мало что на свете способно так захватить воображение, как творческий процесс в самом разгаре. Какое он *мне* доставляет удовольствие, вы и представить себе не можете.

– А что они там *творят*?

– Реплику гробницы моего прапрапра-сколько-то-там-раз-дедушки. Я снабдил Найджела пухлым альбомом ее фотографий, и кроме того, он, конечно, многократно видел оригинал в нашей приходской церкви. Заметьте, это его собственная инициатива, и меня она несказанно радует. Думаю, такое занятие – почище, чем лепить восковые фигуры. Из ящика получится траурный постамент, а сверху поместится лежащая фигура в полный рост. Чертовски мило со стороны Найджела, что он за это взялся.

– Я видела, как они тащили этот «постамент» вокруг дома – почему-то среди ночи.

– Очевидно, Найджел ощутил внезапный порыв вдохновения и заставил Винсента восстать ото сна, чтобы помочь. Знаете, крышку ящика к сегодняшнему утру так живописно заполировал снег... Как же все-таки здорово, что к Найджелу вернулись творческие способности – спустя столько-то лет! Не желаете ли возразить этому вместе со мною, вкусив притом

немного кеджери<sup>31</sup> или чего хотите? Нет, все-таки одно из лучших ощущений на свете – с энтузиазмом что-то предвкушать, правда?

Тут в столовую вошли Форрестеры – само воплощение того духа фальшивой «домашности», какой так часто встречается в загородных усадьбах. Полковник, естественно, тоже оказался восхищен инициативой Найджела и разглагольствовал о ней до тех пор, пока каша у него в пиале не застыла, покрывшись коркой. Только тут жена прервала его язвительной репликой, обращенной к Хилари:

– Остается надеяться, что такие вещи отвлекают их от чего похуже.

Интересно, что пожилая леди на самом деле думает об этих нетривиальных экспериментах хозяина усадьбы с эмансипацией убийц? Хотела бы Трой это знать.

– Крессида с дядей Бертом, – невпопад произнес Билл-Тасман, не поведя и бровью, – приезжают сегодня поездом в три тридцать в Даунлоу. Хорошо бы мне съездить их встретить... если только, разумеется, я не понадоблюсь в это время в библиотеке.

– Если мы сможем позаниматься утром сразу после завтрака, то не понадобится, – отозвалась художница.

– Освещение-то переменилось, да? Из-за снега.

– Надо полагать. Увидим, когда начнем работать.

– А что за портреты вы рисуете? Какие они? – резко спросила вдруг миссис Форрестер.

– Очень хорошие, высшего сорта, – перехватил реплику ее племянник, тоже не без язвительности в голосе. – Вы находитесь в весьма изысканном и талантливом обществе, тетя Колумбина.

Художница чуть не рассмеялась, ибо в ответ на это миссис Форрестер состроила забавную гримасу, долго не «снимала» ее с лица, а затем подмигнула молодой женщине.

– Ну надо же! Кто бы мог подумать, – сказала она наконец.

– Так и есть, – насупился Хилари, не принимая шутки.

Трой заметила:

– Наверное, нет смысла спрашивать, *как я пишу картины*, у меня никогда не получалось объяснить словами суть своей работы. Даже если вы припрете меня к стенке, то и тогда кроме бессмыслицы и пустозвонства из меня ничего не вытянешь. – И добавила, покрывшись (к собственному удивлению) краской стыда, словно школьница: – Каждый пишет как дышит.

Повисла довольно длинная пауза, после чего Хилари подал голос:

– И за это вам огромное спасибо.

– Ну, что ж, – миссис Форрестер решила сыграть в унисон с Трой, – а мы что увидим, то увидим.

Хозяин дома фыркнул.

– В свое время я тоже немного рисовал. Несколько акварелей, – вставил полковник. – Еще в Итоне. Не слишком удачно получилось, но по крайней мере я их закончил, все до единой.

– Уже хорошо, – обронила его жена, и Трой согласилась, что это – совершенно точное и справедливое замечание.

Так, в молчании, прерываемом краткими вспышками беседы, прошла оставшаяся часть завтрака, и все уже собирались вставать из-за стола, когда вошел Катберт и склонился перед стулом Хилари в той манере, в какой можно угадать сразу его прежнюю профессию метрдотеля.

– Да, Катберт, – спросил хозяин, – что вам?

– Я насчет омелы, сэр. Ее привезут в три тридцать. Курьер спрашивает, сможет ли кто-нибудь забрать ее со станции.

– Хорошо, я заберу. Омела – это для ветки поцелуев. Скажите Винсенту, пусть держит все что нужно наготове, хорошо, Катберт?

---

<sup>31</sup> Блюдо британской кухни из вареной рыбы, риса, петрушки, яиц вкрутую, карри, масла, сливок и изюма.



– Конечно, сэр.

– Отлично.

Хилари с бодрым видом потер руки и жестом предложил Трой возобновить художественные «бдения». По окончании же их все вышли во двор – понаблюдать, как там выходит скульптурная композиция у Найджела.

Оказалось, дело значительно продвинулось. Лежащая фигура одного из Билл-Тасманов – гордости и украшения XVII века – потихоньку приобретала узнаваемые формы. Гибкие кисти рук лакея в теплых рукавицах работали быстро и споро. Со звоном нашлепывал он на ящик пригоршню за пригоршней снег и ловко придавал им нужные формы деревянной лопаткой, видимо, взятой с кухни (подумала Трой). В том, как он погрузился в работу – с головой, всем своим существом, – было что-то фанатическое. На подошедших зевак Найджел даже не взглянул. Шлеп-шлеп, вжик-вжик.

Здесь же – впервые в жизни – Трой повстречалась с поваром Уилфредом – Кискоманом. Он как раз вышел за порог в своем рабочем колпаке, клетчатых брюках и уже почему-то заснеженном фартуке. Пальто было наброшено на его плечи с продуманной небрежностью. В руках у него помещался гигантский ковш – в общем, кухонных дел мастер выглядел, по впечатлению Трой, словно картинка из колоды «Счастливые семьи»<sup>32</sup>. В свете этого сравнения он выглядел весьма комично: круглое лицо, большие глаза, широкая линия губ...

Завидев Трой и Хилари, повар расплылся в улыбке и поднес пухлую ладонь к накрахмаленному колпаку.

– Добрейшего *вам* утра, сэр, – произнес Кискоман. – Добрейшего *вам* утра, дорогие дамы.

– Доброго-доброго, Уилфред, – отозвался Хилари. – Хотите протянуть во льдах руку помощи, испачканную в шоколадной глазури?

Кискоман как-то чересчур громко рассмеялся в ответ на эту шуточку, составленную с легкой потугой на изящество.

– О *нет*, сэр, конечно же, нет, сэр. Я бы никогда не осмелился протянуть *такую* руку. Разве что наш настоящий художник наполнит своим вдохновением мой скромный ковш.

Найджел, который был только что столь лестно, хоть и косвенно, упомянут поваром, в ответ только потряс головой, ни на секунду не отрываясь от работы.

– В вашем ведомстве все благополучно? – поинтересовался Хилари.

– Да, сэр, благодарю вас. Мы вполне справляемся. Этот парень из Даунлоу – мальчик на побегушках – оказался весьма даровитым экземпляром.

– Да? Ну, хорошо, хорошо, – какой-то слишком быстрой скороговоркой (или Трой так показалось?) ответил Хилари. – А что там насчет пирога с мясом?

– Будет готов во всей красе – ешь да нахваливай – сразу после вечернего чая, к вашим услугам, сэр! – жизнерадостно отпартовал Кискоман.

– Если он окажется на той же высоте, что прочие ваши блюда, какие нам довелось отве-  
дать, то это, несомненно, будет пирог века, – решила вставить Трой.

И трудно по внешнему виду было распознать, кто больше обрадовался такому комплименту – его адресат или сам Хилари.

Тем временем из-за угла западной части усадьбы показался Винсент – с еще одной ручной тележкой, полной снега. Только теперь художница смогла разглядеть его вблизи: смуглолицый тощий человечек с выражением муки в глазах. Он, в свою очередь, покосился на Трой, вывалил на землю то, что прикатил, и отправился за следующей порцией. Кискоман еще раз улыбнулся, заметил, что выглянул во двор лишь на одну секундочку, одарил всех присутствующих сладчайшей – с ямочками на щеках – улыбкой и скрылся за дверью.

---

<sup>32</sup> Happy Families – британская карточная игра особыми картами с изображением людей, которых играющим надо разложить по «семьям».

Еще чуть погода на улицу вышел Катберт и громогласно объявил, что подан обед.

## II

Крессида Тоттенхэм оказалась, что называется, «шикарной блондинкой», очень элегантной. То есть настолько элегантной, что ее природная красота, как ни парадоксально, производила впечатление чего-то неестественного, вторичного, органически не совсем присущего своей «носителнице» – так сказать, некоего дополнительного бонуса к лоску. Голова ее венчалась собольей шапочкой, шея обрамлена собольим мехом, и вся она с головы до ног была укутана в соболя, от рукавов до туфелек. Когда же слуги освободили ее от верхних одежд, оказалось, что под ними – простота и небрежность по самой дорогой лондонской моде, и в эту небрежность девушка скорее даже не одета, а обернута наподобие подарочной упаковки.

Линии ее глаз и губ стремились куда-то наискосок, и даже голову она держала как-то немного набок.

В манерах Крессида показала себя очень спокойной и сдержанной, нисколько не словоохотливой и уж никак не развязной, а если и открывала рот, чтоб высказать какое-нибудь суждение, то неизменно прибавляла через каждое слово: «понимаете ли», «знаете ли», «ладно?» или «если угодно». В общем – отнюдь не героиня романа Трой, то есть, правильнее сказать, не героиня кисти Трой. И это обстоятельство грозило вылиться в некоторую неловкость, ибо Хилари поминутно бросал на художницу вопросительные взгляды: как вам, мол, моя невеста?

А вот к мистеру Берту Смиту Трой прониклась симпатией: невысокий мужчина с дерзким, даже нахальным выражением лица, живым умным взглядом и старомодно обаятельным акцентом кокни сразу же завладел ее воображением. Одет он был тщательно и изысканно, в подчеркнута деревенском стиле. На вид лет семидесяти, но отменного здоровья, как показалось художнице.

Примечательно прошла встреча между вновь прибывшими и Форрестерами. Полковник приветствовал мисс Тоттенхэм с выражением робкого обожания и называл ее не иначе как «Кресси, дорогая». Трой уловила в этом отчетливую интонацию классического «доброго дядюшки», однако, кажется, приправленную какой-то смутной тревогой. Мистера Смита старый вояка тоже приветствовал сердечно – до известной степени. Во всяком случае, он пожал ему руку несколько развязно и несколько раз повторил, разражаясь жизнерадостным смехом после каждого слова:

– Здравствуйте-здравствуйте, приветствую. Как поживаете, старина, дорогой?

– А-а, полковник, полковник, дорогой мой, как ваши дела? – с не меньшей живостью отвечал мистер Смит. – Выглядите расчудесно. Абсолютно без дураков – расчудесно, и точка. И что это я такое все последнее время слышал, будто вы стали расхаживать одетый словно добрый король как-бишь-его-там?..<sup>33</sup> Да еще и с вот этими-то усами! *Взгляните-ка на эти усы!* – Мистер Смит развернулся к миссис Форрестер и оглушительно возопил: – Чтоб мне провалиться! Что это ему вздумалось? В его-то возрасте! *Усы!*

– Глухой у нас мой муж, а не я, Смит, – заметила старая леди. – Вы опять все перепутали.

– В самом деле, где же моя голова, черт побери? – При этих словах мистер Смит подмигнул Трой и дружески огрел полковника по спине ладонью. – Надо же было спутать, как сказал мясник, отрубив вместо свиного копыта собственный палец!

– В дяде Берте, – заметил Хилари, обращаясь к Трой, – погиб прекрасный комик. Поверьте, он отлично умеет разговаривать нормально. Просто сейчас решил выступить со

---

<sup>33</sup> Смит имеет в виду святого Вацлава из известного английского рождественского гимна Джона Мейсона Нила на народную мелодию XIII века «Добрый король Вацлав», где святой Вацлав, накинув что попало, спешит накормить и обогреть замерзшего бедняка.

своим номером: «говорили ж вам, я – кокни до мозга и костей». На сей вот раз – перед дядей Блошкой. Видите – настоящий концерт перед ним разыгрывает. Но вы ведь всегда видите его насквозь, да, дядя Блошка?

Трой метнула быстрый взгляд на мисс Тоттенхэм, которая, казалось, смутилась и слегка опустила глаза.

– Правда? Тебе так кажется? – отозвался польщенный полковник. – Нет, в самом деле, мне его нетрудно расколоть, а?

После этого обмена репликами мистер Смит сразу затих, и все отправились пить чай в столовую, где атмосфере, конечно, недоставало уюта, к которому привыкли Трой и Хилари тет-а-тет у камина в будуаре. Наоборот, за столом воцарилась некоторая скованность – особенно после того, как Крессида вежливо, но твердо отказалась играть роль хозяйки.

– Ради бога, дорогой, не заставляй меня ничего разливать по чашкам, – улыбнулась она. – Меня бы это, честно говоря, просто выбило из колеи. Ты же знаешь, у меня почему-то отвращение к таким вещам. Не мое это. Совсем не мое... Ладно?

Миссис Форрестер одарила ее долгим тяжелым взглядом и произнесла:

– Хилари, если ты не против, я возьму это на себя.

– Да-да, конечно, прошу вас, тетушка! Будет здорово, как в старые времена, когда вы взяли меня на воспитание и дядя Берт приезжал к нам на Итон-сквер.

– Вот-вот, славное стояло время, времечко что надо, – подхватил мистер Смит. – В этом вся штука. Помните, как там у нас было? Просто и без обид! И никаких гвоздей, так сказать.

– Вы – добрый малый, Смит. В своем, конечно, роде, – согласилась миссис Форрестер. – Я бы сказала, время научило нас правильно понимать друг друга. Вам какого чаю, миссис Аллейн?

Надо же, какие интересные люди: говорят то, что приходит на ум, прямо в ту секунду, когда оно приходит, подумала Трой. Словно дети. Весьма необычная привычка, и бог еще знает, к чему она может привести.

Впрочем, мистера Смита она тут же, спохватившись, исключила из этой мысленной общей характеристики. Мистер Смит – явно другое дело. Хитрый сухонький старикан себе на уме, совсем не простой. Что он на самом деле себе думает обо всей этой честной компании и каждом ее члене в отдельности, никого, кроме него самого, не касается и никому не ведомо.

– Ну, как поживают твои злодеи-негодяи, Хилли? – спросил он у хозяина, склонив голову набок и вгрызаясь с самым беспечным видом в булочку. – Все никак не оступятся? Комар носа пока не подточил?

– Конечно, нет, дядя Берт, и вообще, выбирайте, пожалуйста, выражения. Меньше всего на свете я желал бы, чтоб Мервин или Катберт вас сейчас слышали. А заметьте, любой из них может войти в любую минуту.

– Какой ужас, – отреагировал Смит совершенно равнодушно и невозмутимо.

– А что это за зияющая пустота над камином? – переменила тему Крессида. – Это то, что я думаю? Для моего портрета?

– Именно, моя дорогая, – ответил Хилари. – Кстати, – тут он с волнением взглянул на Трой, – я уже бросил пробный камень...

Художница стала лихорадочно соображать, как выйти из неловкого положения, но от необходимости сразу отвечать ее избавила сама мисс Тоттенхэм.

– А я бы предпочла, чтоб он висел в парадной гостиной. Знаешь, ну, где-нибудь, где нет супниц, половников и твоих не самых импозантных предков. – Тут она обвела критическим взглядом две работы Реборна и по одной – Лели и Винтерхальтера<sup>34</sup>. – Ладно?

---

<sup>34</sup> Генри Реборн (1756–1823), Питер Лели (1618–1680) – британские, Франц Ксавьер Винтерхальтер (1805–1873) – немецкий живописцы, одни из ведущих европейских портретистов каждый в своем поколении.

Лицо Хилари стало почти пунцовым.

– Посмотрим, – сказал он.

Тут в столовую вошел Мервин и объявил, что повар, мол, свидетельствует гостям свое почтение и передает, что пирожки с мясом готовы.

– Что-что?! – переспросила Крессида. – Сразу после чая?! И вообще, я ненавижу начинку из мясного фарша. Брезгую!

– Дорогая, мне это известно. Более того, в глубине души я тоже ею брезгую. Но что подлаешь, если таков подлинный старинный обычай: надо загадать желание, – объяснил Хилари, – и потом откусить только один раз от пирожка. Происходит эта церемония, по традиции, прямо на кухне. Ну же, всего один кусочек – больше не надо. Повару будет очень приятно.

– А как там сейчас с кошками? – капризным голосом спросила мисс Тоттенхэм. – Ты ведь знаешь, как я к ним... отношусь.

– Мервин, пожалуйста, скажите Кискоману – пусть попросит Проныру и Знайку ненадолго покинуть помещение. Уверен, он не откажется.

– Да уж, пусть будет так любезен. У меня аллергия на кошек. – Крессида повернулась к Трой: – Кроме того, они выводят меня из себя. В буквальном смысле: достаточно мне только мельком увидеть кошку – и все, я на грани нервного срыва. – Тут девушка пустилась в дальнейшие красочные описания своего ужаса перед указанным видом домашних животных. Сколько раз она спросила у художницы, «понимает» ли та ее, не сосчитать.

– А вот я бы с радостью, – громогласно объявила миссис Форрестер, – возобновила знакомство с Пронырой и Знайкой!

– Вы – да, а я – нет, – парировала Крессида, в первый раз за день обращаясь к старой леди, но не поднимая на нее глаз.

– Между прочим, Хилари, в этих пределах я вполне согласна, – сказала тетушка, – с твоими взглядами на поведение твоих слуг. Полагаю, что повар оставался полностью в своем моральном праве, когда напал на человека, дурно обращавшегося с кошками. Я говорю: он был в сво-ем пра-ве!..

– Конечно, тетушка, я вас услышал. Хотел бы я знать, кто бы вас мог не услышать. Нет-нет, милая, – Хилари предупредил возможную реакцию своей возлюбленной, – ты у нас единственное очаровательное исключение. Ну, так что же? Пойдемте, что ли, пожую немножко мясного фарша?

На кухне стараниями Кискомана все уже было готово к торжественной церемонии. Сам он встречал гостей самой лучезарной из всех возможных улыбок, поигрывая трогательными ямочками на щеках, но Трой все же показалось, что в глазах его затаилось выражение тайного неудовольствия. Совсем уж очевидным это выражение стало, когда из-за задней двери, ведущей во двор, раздалось бешеное мяуканье. В ту же секунду через нее внутрь прошмыгнул краснощекий малец и сразу захлопнул ее за собой, приглушив тем самым крещендо кошачьего негодования.

– Не иначе как там Проныра со Знайкой, – догадалась художница.

– Не сердитесь насчет кошек, Уилфред, – извинился за всех Хилари.

– Всякое бывает, правда, сэр? – загадочно реагировал Кискоман и бросил долгий косой взгляд на мисс Тоттенхэм.

Малец, сосавший в это время большой палец, как-то странно-обиженно посмотрел за окно во двор.

Пирожки с мясом были разложены посреди кухонного стола на блюде подлинно барской роскоши. «Хорошо хоть маленькие», – с облегчением отметила Трой. Хилари напомнил, что откусывать надо по очереди, причем каждому надлежит сначала загадать желание.

Впоследствии Трой часто вспоминала эту сцену: вот все они стоят, смущенно-робкой гурьбой столпившись вокруг стола... Пожалуй, то был последней миг мира и покоя, пережитый ею в «Алебардах». Дальше все пошло не так...

– Тетушка – первая, – объявил Хилари.

– Загадывать вслух? – поинтересовалась та. Племянник как-то слишком скоро и горячо запротестовал: нет, мол, желание должно остаться в тайне!

– Ладно, не важно, – сказала миссис Форрестер, ухватила с подноса пирожок, откусила сразу огромный кусок и принялась жевать, не сводя взгляда с Крессида Тоттенхэм. Неожиданно Трой охватило тревожное ощущение: «А ведь я поняла, что она загадала. Поняла так же хорошо, как если бы мне это прокричали в самое ухо. Она хочет, чтобы помолвка расстроилась. К гадалке не ходи».

Следующей наступила очередь Крессида. Она, наоборот, с мученическим выражением на лице отломила самую мизерную частичку, какую только представлялось возможным отломить, и проглотила ее скорбно, как горькое лекарство.

– Загадать-то не забыла? – взволнованно спросил полковник.

– Ой, забыла! – улыбнулась невеста Хилари и через секунду издала вдруг истошный вопль. Крошки от мясного пирожка посыпались с ее красивых губ.

Мистер Смит крепко чертыхнулся. Остальные загалдели бестолково и все сразу. Крессида дрожащим пальчиком указала в направлении окна. Там, снаружи, на подоконнике устроились две кошки, одна черепахового окраса, другая – табби-макрель. Любопытные морды слегка искажало стекло, но было видно, как вращаются кошачьи глаза, а маленькие пасти открываются и закрываются в беспрестанном мяуканье.

– Дорогая моя! – воскликнул Хилари, не делая попытки скрыть раздражение.

– Мои бедные киски! – затанул Кискоман странным дискантом, перешедшим к концу в хриплый баритон.

– Я не переносу кошек! – истерически заголосила Крессида.

– В таком случае, – сдержанно заметила миссис Форрестер, – тебе стоило бы перенести себя куда-нибудь прочь из кухни.

– Нет-нет! – умоляющим голосом взвыл полковник. – Нет, Клу! Нет-нет-нет! Боже мой, вы только посмотрите!

Знайка с Пронырой к этому моменту начали с невыносимым скрипом царапаться в оконное стекло. Трой любила кошек, ей нравилось за ними наблюдать, и она даже в душе пожалела, когда внезапно оба полосатых существа прекратили свое занятие, подняли хвосты трубой, развернулись кругом и исчезли. Крессида тем не менее, зажав уши ладонями, пронзительно зашептала и затопала ногами, словно в некоем экзотическом танце.

– Ничего страшного! – сухо произнес мистер Смит.

Форрестер, со своей стороны, принялся нежно утешать девушку бессвязным рассказом о своем товарище, *тоже* офицере, который *тоже* испытывал страшное отвращение к семейству кошачьих, и это отвращение неким таинственным, отнюдь не лучшим для него образом сказалось на блеске и лоске его военной формы. Повествовательный экспромт полковника был крайне мало внятн, однако Крессида он заставил усесться на стул посреди кухни, удивленно воззрится на опекуна и успокоиться.

– Все это пустяки, – заговорил Хилари с ноткой тихого отчаяния в голосе. – Что ж, продолжим? – Он обернулся к Трой: – Теперь вы.

Художница едва нацелилась взять пирожок, как в тот же миг ощутила желание столь страстное, что чуть не выпалила его вслух. Во всяком случае, она услышала, как где-то глубоко внутри ее жалобный голос пропищал: «Пусть не случится ничего ужасного. Господи, пожалуйста!» Стряпня Кискомана оказалась отменной.

Следом за Трой к столу подошел Форрестер.

– Вы бы *ужасно* удивились, – он по обыкновению сиял как медный таз, – если б узнали, что загадал *я*. *Просто потряслись бы!* – Полковник прикрыл глаза и от души вонзил зубы в пирожок. – Очень, очень вкусно!

Смит тоже не изменил своей манере выражаться емко и образно:

– Не дадим добру черстветь! – И отправил в рот весь пирожок целиком, урча и захлебываясь.

Завершил церемонию Хилари, после чего все сердечно поблагодарили Кискомана и покинули кухню. Крессида, все еще раздраженно, объявила, что примет две таблетки аспирина и будет лежать в постели до самого ужина.

– И прошу, – она выразительно взглянула на своего жениха, – меня не беспокоить.

– Не *беспокойся*, тебя никто не *побеспокоит*, я гарантирую, любовь моя, – скаламбурил в ответ Хилари, а его тетушка издала смешок, который с легкостью сошел бы и за фырканье.

– Мы с дядей Фредом, как всегда, сходим подышим воздухом минут десять, – объявила она.

– Но, тетушка, не поздновато ли? Смотрите, как темно, а может еще и снег пойти.

– Обещаю тебе строго ограничить наши передвижения пределами ближнего двора. К тому же ветер, кажется, переменялся на восточный.

– Ну, хорошо, – согласился племянник. – Дядя Берт, не пора ли нам уединиться и поговорить о делах?

– Идет, – сказал мистер Смит. – Всегда готов.

Трой хотелось лишний раз критически взглянуть на свою работу – этим намерением она и поделилась. В общем, все разбрелись своими дорогами.

Проходя через парадную залу и далее по коридору к библиотеке, она лишний раз отметила: какая же все-таки тишина в усадьбе «Алебарды», ниоткуда ни шороха. Все полы покрыты пушистыми толстыми коврами. Светильники попадаются редко, от случая к случаю, и свет на стены отбрасывают какой-то неверный, приглушенный. И еще это центральное отопление... Какая бы система ни была здесь установлена, греет она как следует, даже слишком. По коридору движешься словно по натопленной парилке.

Вот и вход в библиотеку. Странно: дверь чуть приоткрыта. Трой распахнула ее настежь, сделала ровно два шага вперед и, не успев даже оторвать ладонь от дверной ручки, получила резкий удар по голове.

Он вышел несильным, и сразу вслед за ним в нос ударила едкая вонь скипидара. Больно не было, художница даже не испугалась – только была застигнута до того врасплох, что на несколько секунд перестала что-либо соображать. Потом вспомнила, что где-то прямо в дверную раму встроен выключатель, и зажгла свет.

Перед ней предстала библиотека, совершенно такая же, как всегда: теплая, тихая, с запахом кожи, поленьев для розжига, золы и красок. Незаконченный портрет спокойно стоял на мольберте у скамеечки со знакомой подставкой для ног.

На ковре валялась жестяная палитра, на которой Трой обычно разводила краски олифой или скипидаром. Это она упала ей на темечко.

Обнаружив ее, художница первым делом схватила со скамейки чистую тряпку и бросилась вытирать собственное *лицо*. *Лицо* Хилари на портрете, тускло подсвеченное люстрой, взирало на нее с мольберта загадочно и зловеще. «На отличный праздник вы меня заманили, ничего не скажешь», – пробормотала она вслух.

Затем Трой повернулась назад к двери – та, к ее крайнему удивлению, оказалась на сей раз плотно затворена. Тонкая струйка масляной краски, разведенной скипидаром, медленно и как-то безвольно стекала по лакированной красной поверхности. Неужели сама захлопнулась? Словно в ответ на мысли молодой женщины, дверь заскрипела и приоткрылась буквально

на один-два сантиметра. С ней такое часто случается, припомнила Трой. Видимо, «собачка» отходит...

Но изначально кто-то все-таки закрыл ее!

Художница выждала несколько мгновений, затем заставила себя двинуться вперед. Точнее, она резко подбежала к двери, распахнула ее и едва сумела сдержать вопль. Перед нею стоял Мервин. И сам факт его присутствия здесь, надо сказать, поверг Трой в гораздо больший шок и трепет, нежели удар по голове. Откуда-то словно со стороны до нее донесся крик, родившийся в недрах ее собственной глотки. Так обычно кричат, пробудившись от ночного кошмара.

– Мадам что-нибудь угодно? – Лицо Мервина было пепельно-серым.

– Это вы закрыли дверь? Только что?

– Нет, мадам, не я.

– Зайдите сюда, сделайте милость.

Ей показалось, что главный лакей хочет отказаться, но все же вошел, сделал шага четыре по комнате и остановился перед палитрой, все так же валявшейся на ковре.

– Посмотрите, что творится.

– Позвольте мне, мадам.

Он поднял палитру, подошел к скамейке и бережно положил палитру на нее.

– Взгляните на дверь. С этой стороны, – велела Трой.

Она сразу, еще до того, как Мервин подчинился, поняла: он отлично знает, что там. Значит, пока она лихорадочно вытирала лицо, он зачем-то проскользнул в библиотеку, снова выскользнул из нее и прикрыл за собой дверь – сомнений быть не может.

– Эта жестяная штука была привязана над входом в комнату, – сообщила Трой. – И свалилась мне на голову. Самодельное устройство против воров. Хорошо известная детская забава.

– Очень неприятно, – прошептал лакей.

– Да, неприятно получилось. Сработало устройство против воров. Детская забава.

– Я бы никогда, – Мервин вдруг разразился рыданиями. – О боже мой, я никогда бы... Клянусь, ни за что на свете...

– Честно говоря, не понимаю, зачем вам могло бы это понадобиться.

– Вот именно, мне это ни к чему! – словно в горячечном бреде подхватил слуга. – Вы совершенно точно заметили, вы абсолютно правы. Во имя Господа Иисуса Христа, зачем бы я стал играть в такие игры?! Это я-то!

Трой повернулась к нему спиной и принялась оттирать масляный след с дверной поверхности. Получилось совсем чисто – почти ни следа не осталось.

Мервин, в свою очередь, вытащил из кармана носовой платок, бухнулся на колени и яростно атаковал пятно краски на полосатом ковре.

– Скипидаром не проще будет? – подсказала Трой.

Слуга приподнялся и начал дико озираясь. Трой подала ему бутылку со скипидаром.

– Та... – нечленораздельно выдохнул Мервин и продолжил работу. Оголенный загривок его сверкал от пота. Он не переставая бубнил что-то себе под нос.

– Что? – переспросила Трой. – Что вы там говорите?

– Он узнает. Уж он-то увидит. Он все замечает. Подумают, что это сделал я. Все так подумают.

– Кто увидит, кто узнает?

– Все узнают. Все без исключения. Все они.

– Отмойте остатки водою с мылом и принесите еще ковриков, – произнесла художница как-то отстраненно, будто не слыша сама себя. С самого начала работы над портретом ковер вокруг мольберта в библиотеке был защищен от краски несколькими перевернутыми ковриками – откуда-то из закровов кухни.

Мервин снова поднял на нее глаза. Вид у него был страшно испуганный и в то же время лукавый, как у озорного ребенка, который что-то задумал или уже натворил.

– Вы меня не сдадите? Не пожалуетесь? – спросил он. – Ведь правда? Честно? Не наступите? Имейте в виду, это не я. Я этого не делал. Вы ведь на меня не думаете? Не делал! Я бы никогда, я бы ни за что. Я ж не придурок, не спятил же я, белены не объелся, чтоб такое делать. Я бы ни за что...

– Ладно, *хорошо!* – почти закричала Трой, перебивая его. – Давайте не будем... Не надо начинать все сначала. Вы сказали, что это не вы, и я... вообще-то говоря, я вам верю.

– Спасибо вам, добрая леди.

– Не за что, не за что, не будем к этому возвращаться. Однако, – угрюмо и задумчиво спросила она, – если это сделали не вы, то кто же?

– Ага-ага! Вот это другой разговор, верно? А что, если я знаю?

– Так *знаете* или нет?

– Ну, есть одна мысль, кое-что ведь соображаю. Меня не проведешь, я все насквозь вижу. Дерьма этого содомского на всех на нас хватит, уж простите, что выражаюсь.

– О чем это вы, не пойму. Пока что, кажется, со мной одной...

– Я вас умоляю! С вами! Ха! Вы тут просто случайная мишень. Карточный болван и больше ничего. Подумали бы вы, милая леди.

Мервин качнулся назад на каблуках и дико воззрился на Трой. Цвет его лица, раньше напоминавший поджаренную выпечку Кискомана, теперь изменился – стал пунцовым.

– ...О господи. Право слово, не знаю, что вы обо мне теперь подумаете, мадам, – заговорил он опять, начав вдруг тщательно подбирать слова. – Забылся я, я тут не при делах, просто разошелся, вышел из себя...

– Ничего страшного, – перебила Трой. – Но может быть, вы все же объясните?..

Он выпрямился во весь рост и начал поспешно пятиться к двери, на ходу обматывая превращенный в тряпку носовой платок вокруг кисти руки.

– Ох, мадам, мадам, мадам! – с мольбой в голосе взывал лакей. – Да пораскиньте же вы мозгами, прошу вас! – И на том оставил ее в одиночестве.

И как ни странно, но только много позже, уже у себя в комнате смывая с волос следы масляной краски со скипидаром, Трой припомнила: а ведь Мервин попал в тюрьму за то, что убил человека точно таким способом. Детской забавой, ловушкой для воров.

### III

Если Крессида днем и потеряла что-то в глазах своего суженого, если образ ее слегка и померк, то в течение вечера он, как показалось Трой, засиял с новой силой. В гостиную, где нынче вся компания впервые перед совместным обедом собралась вместе, она спустилась последней – в *так* льнувшей к телу легкой тунике, с брюками *такого* интенсивного золотистого цвета, что сама ее фигура казалась позолоченной статуэткой – вроде тех двух изваяний Духов победы эпохи Кватроченто<sup>35</sup>, что застыли, трубя что-то свое, на каминной полке. Когда девушка переходила с места на место, туника переливалась на ней кипящим златом, если перефразировать Геррика<sup>36</sup>. Выглядела она невероятно роскошно и, конечно же, чрезвычайно очаровательно. У Хилари просто-таки перехватило дыхание – Трой сама это слышала. Даже миссис Форрестер хмыкнула с ироническим восхищением, а мистер Смит – правда, очень тихо –

---

<sup>35</sup> Quattrocento – буквально «1400-е годы», то есть XV век – общепринятое обозначение эпохи Раннего Возрождения в Италии.

<sup>36</sup> Геррик, Роберт (1591–1674) – английский поэт. Будучи сыном золотых дел мастера, очень часто использовал в стихах метафоры, связанные с золотом. Здесь, вероятно, имеется в виду стихотворение «На волосы Юлии, собранные золотой сеткой» (1648).



провыл руладу волком. Полковник сказал: «Дорогое мое дитя, да ты просто изумительна!» – такое же уместное определение в данном случае, как и любое из сотен его синонимов, подумалось Трой. Крессида *по-прежнему* нимало не вдохновляла ее как художницу, и она по-прежнему поеживалась, ловя на себе вопросительные взгляды Хилари.

В этот вечер подавали коктейли с шампанским. Прислуживал Мервин (под присмотром Катберта). Трой изо всех сил старалась на него не смотреть. Вообще ее охватило чувство какой-то отрешенности, непричастности к происходящему – она словно парила над гостиной, а не передвигалась по ней на своих двоих, как все прочие. Сама красота этой залы, прежнее ощущение удобства и некоего эстетического раскрепощения, непринужденная роскошь обстановки – все это испарилось, утратило смысл и ценность, стало каким-то... бесплодным, что ли? Напрасным?..

– Хотел бы я знать, – тихо бросил Хилари, взяв ее под локоть, – что может значить этот взгляд? Вопрос неуместный, даже дерзкий, понимаю. Естественно, вы можете не отвечать. – И, не дав ей это сделать, сразу продолжил: – А Крессида очаровательна, вы не находите?

– Нахожу, конечно, нахожу. Но прошу вас, не просите меня писать ее.

– Я думал, мы уже договорились?

– Ничего путного из этого не выйдет.

– Почему вы так уверены?

– Вам такой портрет не понравится.

– Или слишком сильно понравится, – промолвил Хилари. – Настолько сильно, что этого надо опасаться.

На такое замечание Трой предпочла не реагировать.

– Что ж, – продолжил Хилари, – пусть будет как будет и как должно быть. Уже слышу за спиной дыхание синьора Аннигони<sup>37</sup>. Еще коктейль с шампанским? Ну, конечно. Катберт!

Больше Хилари с ней не заговаривал, он вообще стал странно немногословен и глядел только на свою невесту, но художница чувствовала: в каком-то неуловимом смысле общение между ними продолжается.

За ужином Хилари все же усадил Крессида на место хозяйки стола, и Трой невольно залюбовалась тем, как место это ей к лицу; как ярко она на нем сияет и как доволен будет Хилари потом, когда они поженятся, позволяя жене царить на иных «паркетах» и в иных собраниях – уж точно гораздо более блистательных, чем нынешняя странноватая ассамблея. Она для него будет как ходячий символ всего этого великого достатка, подумала Трой и сама поморщилась от банальности собственной формулировки.

Крессида же, очевидно воодушевленная шампанским, проявила большую искрометность, чем обычно. С Хилари у них вышел шутливый диалог, не лишенный любовных обертонов. Невеста сначала долго подтрунивала над «блеском и величием» «Алебард», а когда в ответ тот обиженно нахмурился, рассмеялась.

– Нет, поймите меня правильно, я сама готова вцепиться во все это зубами и когтями. От одного вида «Алебард» кровь Тоттенхэмов вскипает во мне, как... – Тут она, правда, осеклась, встретившись взглядом с миссис Форрестер, смотревшей сурово и укоризненно. – В общем, – заключила Крессида, делая ручкой неопределенный жест в сторону Хилари, – обожаю это место.

При этих словах полковник внезапно провел старческими узловатыми пальцами по губам. Вены на его руках как будто еще сильнее вздулись.

– О, дорогая, – произнес Хилари в ответ и отсалютовал суженой бокалом.

---

<sup>37</sup> Аннигони, Пьетро (1910–1988) – модный итальянский портретист, автор в том числе ряда известных портретов Елизаветы II.

Мистер Берт Смит от шампанского тоже слегка отпустил вожжи. Он без умолку болтал об их с Хилари общих делах, и Трой ни на секунду не усомнилась: перед ней действительно тот трезвый, расчетливый, практичный и проницательный человек, за какого он себя выдает. Неудивительно, что он так сказочно преуспел. Надо полагать, в фирме «Билл-Тасман и Смит» – кажется, так они себя официально называют? – именно он играет роль двигателя, а Хилари – скорее внешний корпус с весьма изысканной обшивкой и совершенными линиями дизайна.

Форрестер слушал эти речи, несомненно, рожденные высокой мощью интеллекта, с видом почтительного удивления. Он сидел как раз рядом с Трой, и его тихо высказанная просьба помочь «все это усвоить» показалась ей очень трогательной.

– Вы не теряете нить его мысли? – шепнул полковник озабоченно. Слуховой аппарат, по счастью, находился при нем.

– Немного теряю. Во всем, что касается бизнеса, я – полный профан, – прошелестела она в ответ, чем вызвала у старика приступ восторга.

– Вот именно! Я тоже. Вот именно! Но надо сделать вид, будто нам все ясно, так, что ли?

– Я не посмею. Сразу себя выдам.

– Да... Звучит жутко толково. Прямо, знаете ли, слышен скрип мозговых шариков. – Форрестер выразительно поднял брови. – Потрясающе. Просто – уухх! Правда?

Художница кивнула. Полковник таинственно закусил губу и втянул голову в плечи.

– Ни за что нельзя показывать, какие мы недотепы.

Наверное, вот так же он вступал в разговор с благонравными девицами лет пятьдесят назад, когда был юным лейтенантом, подумалось Трой. Веселый беззаботный парень, способный бесконечно вальсировать под звуки эстрадного оркестра, исполнявшего «Судьбу»<sup>38</sup>, а потом срывать мимолетные поцелуи в тенистой оранжерее за сценой – гроза пожилых компаньонов и гувернанток. Пожалуй, и предложение тете Клу он делал где-нибудь на балконе среди шумного полкового бала... Ну а сама тетя Клу – какой же, черт возьми, была она в пору первого расцвета молодости? Трой попыталась ее себе представить – и не смогла. Легкомысленной королевой вечеринок? Резвуньей? Кокеткой? Этакой породистой и неприступной молодой особой? Просто милой хорошей девушкой?

– ...я ему и говорю: «Бога ради, приятель. Делай как знаешь, а коль хочешь меня послушать, так тебя надувают. Оставляют в дураках среди бела дня». А он: «Такая известная, солидная коллекция, высший класс». Да уж, высший класс! У тебя в штанах высший класс! Он будет рассказывать. Гора ржавого трухлявого дерьма фабричной сборки – вот что это за коллекция.

– Не сомневаюсь, так оно и есть, дядя Берт, – подытожил Хилари и повернулся к миссис Форрестер:

– Какая у вас чудесная «бомбочка» на груди, тетушка, – заметил он. – Я у вас такой не помню. Настоящее сокровище.

– Подарок на серебряную свадьбу. От твоего дяди, естественно. Я нечасто ношу ее.

Крупная бриллиантовая брошь сверкала, как бы небрежно приколотая к черному кардигану миссис Форрестер, в свою очередь накинутаго поверх коричневого шелкового платья. Шею все так же обнимали жемчуга, а на пальцах появилась дополнительная россыпь колец.

Смит, чье внимание этот обмен репликами отвлек от сфер высоких финансов, смерил пожилую даму внимательным взглядом.

– Все мое ношу с собой, да? Все очень здорово и красиво. Кстати! Вы по-прежнему таскаете весь свой скарб за собой? Все в той же жестяной коробке? Я не ошибаюсь?

– *Pas devant les domestiques*<sup>39</sup>, – твердо оборвала его миссис Форрестер.

– А-а, хор! Как у древних греков?

---

<sup>38</sup> Знаменитая на рубеже XIX–XX веков композиция британского композитора Сидни Бэйна (1879–1938).

<sup>39</sup> Не при слугах (*фр.*).

Хилари поспешил вмешаться в разговор:

– *Ради бога*, умоляю вас, тетушка Клу... – запротестовал он, бросив взволнованный взгляд на Катберта, который стоял у буфета спиной ко всем.

– Хилари, – заметила вдруг Крессида, – мне это, кстати, напомнило...

– О чем, душа моя? – с некоторой опаской спросил хозяин усадьбы.

– О, это не так важно. Пустяки, в сущности. Я имею в виду... ну, насчет завтрашнего дня. Насчет праздника. Елка ведь у нас будет в гостиной, да? И что там по сценарию? Ты уже придумал? Режиссуру и все прочее?

Тем самым Крессида, пожалуй, впервые проявила – на словах, по крайней мере – хозяйский подход к делам в «Алебардах», и Хилари пришел в восторг (что не укрылось от Трой). Он тут же пустился в самые детальные пояснения: о звоне бубенцов, магнитофонной записи оленьего храпа, явлении Форрестера через французское окно в образе Друида; о «ветке поцелуев», рождественской ели и порядке мизансцен. Полковник слушал его с живейшим интересом и удовлетворением.

Беседа на эту мирную тему заняла весь остаток обеда. Крессида окончательно вжилась в роль «державной владычицы замка», вела ее с некоторым даже апломбом и, прежде чем миссис Форрестер, которая уже собиралась с духом, успела переломить ситуацию, наклонилась к ней с самой очаровательной улыбкой и заботливо спросила:

– Уже собираетесь, тетушка Колумбина? Вам помочь?

Та даже фыркнуть не успела. Трой не сомневалась, что юная девица сейчас впервые назвала будущую свойственницу по мужу «тетей», и тетя была этим положительно выбита из колеи. Во всяком случае, она рывком поднялась с места.

– Да, пора. Благодарю, я сама. – И направилась к выходу.

Супруг оказался у дверей раньше ее и галантно распахнул их.

– Но мы долго на приколе в гавани торчать не будем, знаете ли, – сообщил он доверительным тоном, переводя взгляд с жены на Трой и обратно. – Хилари говорит, у нас еще полно дел. Ставить елку, плести омелу и всякое такое. Как же здорово знать, что впереди тебя ждет нечто волшебное и прекрасное, ведь правда? – И он подмигнул художнице.

Несколько позже, вновь спустившись в гостиную, дамы обнаружили там только Найджела, Винсента и «яблокощекоего» паренька с кухни – вся троица как раз деловито затаскивала через французское окно чудесную пушистую ель, слегка припорошенную снежком. Стройный стан ее был закреплен в особой зеленой трубке, которая, в свою очередь, крепилась на чем-то вроде маленькой хозяйственной платформы на колесиках – вроде тех, которые используются для ремонтных работ под днищем грузовых машин. В дальнем конце комнаты рождественское дерево уже поджидал специально разложенный поверх великолепного ковра кусок зеленого полотна – в центре этого куска елочку и водрузили на специальную подставку. Вместе с нею в гостиную будто ворвалась сама зима – и запечатлела по морозному поцелую на лице каждого. Крессида тут же плаксиво заныла, и слуги поспешили захлопнуть створки французского окна, после чего бесшумно удалились. Стремянка и огромная коробка с елочными украшениями остались сиротливо стоять возле возвышавшегося рядом дерева.

Кто-то из работников – вероятно, Найджел – уже успел подвесить к основной люстре старую добрую «ветку поцелуев», традиционное сооружение в форме колокола из веток омелы и остролиста, с алыми яблочками, свисающими с него на нитках мишуры. Ожерелье свечей такого же ярко-алого цвета торжественно обрамляло композицию. Вся гостиная наполнилась пьянящим ароматом смолы и хвои.

Трой почти так же, как полковник, любила рождественские елки, поэтому надеялась, что совместными усилиями им удастся спасти праздничный вечер. Даже миссис Форрестер оглядела доставленный экземпляр рождественского дерева с выражением степенного одобрения и заметила, что с ним «вроде как все в порядке, без изъянов».

– По крайней мере, – добавила она, – среди игрушек есть славный разборный вертеп. Им-то я и займусь. Я сама купила его в Обераммергау<sup>40</sup>, когда юному язычнику Хилари было семь лет. Как видим, язычником он и доньше остается, но, чтобы угодить своей старой тетке, разрешает выставить святую вещь под елку. А как ясли Христовы уживаются в его голове с этим варварским бородачом Фредом и этим аляповатым бесстыдством на люстре, ведает только он сам. И еще, слава богу, у нас все-таки будет служба – в часовне в половине одиннадцатого. Вы не знали?

– Нет, – сказала Трой. – Я даже не знала, что здесь есть часовня.

– Есть, в западном крыле. Там служит капеллан из тюрьмы. Ну, время от времени. По обряду Высокой церкви<sup>41</sup>, что Хилари, конечно, одобряет... А вам нравится этот обряд?

– Нет, – просто ответила художница. – Но он живописен, его интересно переносить на холст.

Миссис Форрестер издала неопределенный звук, что-то вроде «пффу».

Тут Мервин принес кофе и ликеры. Проходя мимо Трой, он бросил на нее взгляд, полный какого-то животного подбострастия – молодую женщину этот взгляд глубоко покорило.

Приступ хозяйского чувства ответственности, накрывший Крессида там, в столовой, к этому времени миновал без следа – она задумчиво стояла, покачивая носком золоченой туфельки перед ярко пылающим очагом и опершись прекрасной рукой о каминную полку. Завидя Мервина, она как-то беспокойно поежилась и, когда он удалился, заметила:

– Этот человек наводит на меня ужас.

– И не говори, – отозвалась миссис Форрестер.

– Просто мурашки по коже, как от змеи. Да все они такие, если уж на то пошло. Ай, да, мне все это известно – все эти высокие идеи Хилли, и пожалуйста, я готова согласиться: можно и так решать проблему подбора и воспитания прислуги. Наверняка очень действенный метод. Не сомневаюсь, что, раз мы хотим высоко поднять знамя «Алебард» и держать марку на высоком уровне, такие ребята нам могут в этом деле помочь. И все же я бы предпочла пригласить греков или еще кого-то такого... знаете ли.

– Значит, ты не берешь пример с Хилари и не пытаешься, как он, рассмотреть вопрос с точки зрения самих убийц? – иронически спросила старая леди.

– Я знаю, как он этим увлечен, я все уже слышала, – Крессида продолжала нервно дергать туфелькой. – Но давайте честно признаемся: и для него, и для меня на самом деле важнее всего приятный, цивилизованный, удобный образ жизни... Если угодно. Понимаете ли.

Миссис Форрестер пристально поглядела на нее, а затем как-то особенно решительно, всем телом развернувшись к Трой.

– А вы как справляетесь со своей прислугой?

– Худо-бедно. Правда, мой муж – офицер полиции, и одно его рабочее расписание способно свести с ума нормальную прислугу, привыкшую к размеренному быту.

– Полицейский?! – вырвалось у Кресиды, но она тут же овладела собой и добавила: – Ах, ну да, конечно. Совсем забыла. Хилли говорил мне. Но ведь он страшно... высокопоставленный и знаменитый, да?

Поскольку никто другой в комнате отвечать на эту реплику не стал, Трой тоже воздержалась.

– Не пора ли нам заняться елкой? – обратилась она вместо этого к миссис Форрестер.

– Надо подождать Хилари. Вы ведь, наверное, уже заметили, как он любит руководить.

---

<sup>40</sup> Городок в германской земле Бавария, известный своими уникальными фресками на сказочные и религиозные сюжеты. Такими фресками украшены почти все городские дома.

<sup>41</sup> Направление в англиканстве и в протестантизме вообще, сохраняющее многие внешние элементы католического обряда богослужения – например, церковную архитектуру, яркие священнические облачения, средневековую музыку и т. п.

– Какое веселое общество нас ожидает, просто как в мюзик-холле, если можно так выразиться. Только вообразите себе этот блестящий съезд! – не унималась Крессида. – Тюремный начальник. Тюремный врач. Тюремная стража. Тюремный капеллан. Я уж не говорю о молодой тюремной поросли, о достойной смене, так сказать... И еще – как я могла упустить! – прольется золотой дождь соседей, не слишком знатных и никак не младше семидесяти каждый. Вот уж повеселимся всласть.

– Мне ровно семьдесят, а моему мужу – семьдесят три.

– Ну, вот видите! Вы еще в нижней возрастной категории! – Крессида залилась смехом. И вдруг, внезапно бухнувшись на колени прямо перед миссис Форрестер, девушка откинула назад блестящую гриву шелковистых волос и молитвенно сложила ладони. – Поверьте мне, пожалуйста, я совсем не такая безнадежно ужасная, какой себяставляю. Вы оба были ко мне бесконечно, фантастически добры! Всегда-всегда. Вы просто не представляете, как я вам благодарна. Когда мы с Хилли поженимся, ему придется изо всех сил лупить меня, чтобы выбить всю дурь. Знаете, как по гонгу лупят – БАМ, бам!!! И вот увидите, я стану просто шелковой. Тетушка Колумбина, милая, хорошая, умоляю вас, простите меня за все.

Трой подумала, что, обладая старой леди даже силой горгоны Медузы, ей не удалось бы сейчас заставить это юное существо окаменеть. И в самом деле, уголки губ миссис Форрестер тронула даже легкая улыбка.

– Полагаю, дорогая, ты ничем не хуже и не лучше основной массы своего поколения, – заключила она. – Чистоты и свежести тебе, во всяком случае, не занимать.

– О да, я чиста, как слезка ангела, и свежа, как огурчик, правда ведь? Как по-вашему, тетя Колумбина, смогу я украсить собой дом Хилли хоть немножко?

– Внешним видом так уж точно, – отвечала пожилая дама. – Что есть, то есть. Остальное будет зависеть от поведения.

– От *поведения*, – задумчиво повторила Крессида.

Воцарилось молчание. Поленья потрескивали в очаге. Легким дуновением воздуха откуда-то из-под самого потолка слегка качнуло «ветку поцелуев» на ее мишурном шнуручке. Из столовой, отделенной от гостиной толстыми стенами и дверьми, донесся приглушенный смех Хилари. И тоном, столь поразительно далеким от давешнего, что разницу уловил бы и глухой, мисс Тоттенхэм задала очередной вопрос:

– Тетя Колумбина, а могли бы вы назвать меня «великой грешницей»?

– Господи, о чем ты, дитя мое? Что случилось?

Девушка открыла парчовую золотистую сумочку и вынула сложенный вдвое листок бумаги.

– Это я нашла у себя под дверью, когда ходила переодеваться. Хотела дождаться Хилари. Но, наверное, вам обоим тоже надо показать. Вот, пожалуйста. Возьмите. Откройте. Прочтите. И вы, и вы.

Миссис Форрестер смерила ее взглядом, нахмурилась и развернула бумагу на расстоянии вытянутой руки – так, чтобы Трой тоже могла видеть какие-то неестественно огромные заглавные буквы, отпечатанные на машинке:

«ВЕЛИКАЯ ГРЕШНИЦА, БЕРЕГИСЬ!

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА – ВМЕСТИЛИЩЕ МЕРЗОСТИ  
НЕ ПРЕТЕРПИТ ОТ БЛУДНИЦЫ В ДОМЕ СВОЕМ!»

– Что за гадкая белиберда? Где ты это взяла?

– Я же вам сказала. В своей комнате под дверью.

Миссис Форрестер сделала резкое движение, как бы желая изорвать послание в мелкие клочки, но Крессида порывистым жестом остановила ее:

– Нет, не нужно. Надо показать Хилари. Очень хочется надеяться, что хоть *это* в корне изменит его мнение о негодяе Найдзеле.

#### IV

Вскоре мужчины присоединились к дамам в гостиной. Прочтя анонимку, Хилари вдруг притих. Довольно продолжительное время он только молча глядел на нее и хмурил брови. Смит заглянул ему через плечо и тихо, протяжно присвистнул. Полковник переводил взгляд с племянника на жену. Та неопределенно покачала головой, и старик, по-прежнему ничего не понимая, принялся с одобрительной улыбкой любоваться на «ветку поцелуев» и рождественскую ель.

– Ну как, малыш? – прервала молчание миссис Форрестер. – Что ты об *этом* думаешь?

– Не знаю. Полагаю, меня хотят *навести* на некоторые мысли, причем неверные, тетя Клумба.

– Что бы кто ни *думал*, – вмешалась Крессида, – а найти такое у себя в спальне – удовольствие ниже среднего.

После этих слов Хилари вдруг разразился странной философской речью – какой-то вкрадчивой, сдержанной и двусмысленной. То, что случилось, конечно, жутко неприятно и действует на нервы, но все же это ерунда, и Крессида не должна позволять всяким детским глупостям выбить себя из колеи. Она ведь такая разумная. И вообще, дело не стоит выеденного яйца.

– Вот гляди, – хозяин усадьбы театрально взмахнул рукой в сторону камина, – гори она огнем, пошлая, тупая, бездарная, бессмысленная писанина.

Клочки бумаги полетели в очаг, тут же сморщились, почернели, буквы глупого и несуразного текста мелькнули в языках пламени и, сделавшись на мгновение гротескно выпуклыми и отчетливыми, обратились в прах, в неосязаемое воспоминание – навеки исчезли из этого мира.

– Прочь-прочь-долой! – пропел Хилари странно хриплым голосом и «в доказательство» помахал руками словно крыльями.

– По-моему, ты зря это сделал, – холодно отчеканила Крессида. – Записку надо было сохранить.

– И я того же мнения, – глухо поддакнул Смит. И добавил: – Улика.

Трой испуганно вздрогнула, услышав термин, столь явно относящийся к профессиональному жаргону ее мужа. Смит заметил это и осклабился.

– В точку, да? Правда? Для вашего благоверного – небось повседневное словцо, часто слышите его дома? Хорошее словцо. У-ли-ка. Улику лучше б сохранить, Хилли, толку б больше вышло.

– Мне кажется, дядя Берт, я уже достаточно взрослый мальчик, чтобы по своему усмотрению разбираться с подобными глупыми, абсурдными, смехотворными казусами, – неожиданно жестко и напыщенно высказался Хилари.

– Ух ты, скажите на милость... – пробормотал антиквар и затих.

– Я более чем уверен, Крессида, любимая, что все это просто-напросто чья-то идиотская шутка. Не передать словами, как я ненавижу так называемые розыгрыши. До тошноты. – Владелец «Алебард», казалось, спешил овладеть собой и вернуться к обычной иронической манере речи, но получалось у него не очень убедительно. Словно в поисках поддержки он повернулся к Трой: – А вы?

– Столь неостроумные – конечно. Если только это розыгрыш.

– Во что я не верю ни секунды, – подхватила Крессида. – Шутка! Как же. Это умышленное оскорбление. Если не хуже. – Она подбежала к миссис Форрестер. – Разве *вы* не согласны?

– Я не имею ни малейшего представления о том, что бы это значило. А ты что скажешь, Фред? Я говорю: что ты-ска...

Она осеклась на полуслове. Ее супруг был занят весьма неожиданным делом: он мерил шагами расстояние от французского окна до елки.

– Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать! Точно пятнадцать шагов предстоит мне сделать от «кулис» до места назначения. А кто закроет за мной окно? Такие вещи надо заранее прорабатывать, знаете ли...

– Позволь сказать начистоту, Хилли, любовь моя, – тут же снова вклинилась мисс Тоттенхэм. – Я никак не *могу* плюнуть на все это и забыть просто так, стряхнуть с плеч вроде как, если угодно, потешное недоразумение. Ты сам сто раз рассказывал, что Найджел до сих пор называет свою бедную жертву не иначе как «великой грешницей» или там «грешной женщиной», не помню. Не знаю, как кому, а мне достаточно очевидно, что на сей раз он нацелился именно на меня, и я боюсь. Понимаешь ли, Хилли, я боюсь.

– В то время как, – невозмутимо подхватил Хилари, – бояться нечего. Уверяю тебя, детка, моя золотая крошечка, тут совершенно нечего страшиться. Обстоятельства совсем не такие, как тогда...

– Да уж, не совсем такие, учитывая, что *та* была уличной девкой!

– ...и разумеется, я обязательно докопаюсь до правды, обещаю тебе. История слишком нелепая, чтобы остаться нераскрытой. Я предоставлю дело...

– Ты никому ничего не можешь предоставить, ты сжег бумажку!

– Найджел выздоровел окончательно и бесповоротно.

– Слышь сюда, – заметил мистер Смит. – А ну как кто-то сработал под него? Кто-то из их шатии? А ну как его подставили? Подсунули нам. По злобе. Нарочно то есть.

– Они все до единого отлично друг с другом ладят.

– А вот с этим гавриком полковника не ладят. Не-ет, с Маултом у них дружба врозь. Лада́ми там и не пахнет, пятерку ставлю. Видал я, как они на него зыркают. И он на них.

– Что за чепуха, Смит, – вмешалась миссис Форрестер. – Сами не знаете, что говорите. Маулт служит у нас уже двадцать лет!

– И что с того?

– О господи боже мой! – взвизгнула Крессида и без сил повалилась в кресло.

– ...а кто будет оглашать имена при раздаче подарков? – продолжал свои глубокомысленные размышления полковник. – Я ведь не смогу надеть очки, на Друиде они смотрелись бы глупо.

– *Фред!*

– Что такое, Клу?

– Подойти к нам сюда. Я говорю: по-дойди сю-да!

– Зачем? Я работаю над своей ролью.

– Ты переутомишь мозги. Иди сюда! Тут речь о Маулте. Я говорю: речь о...

Полковник прервал ее почти сердито – во всяком случае, сердито для него:

– Ну, вот, ты совсем спутала ход моей мысли. Так что там с Маултом?!

Словно в ответ на слишком громкий призыв (в театре любой зритель счел бы его нарочитым), искомое лицо – а именно Маулт с подносом в руках стремительно вылетел на «сцену» из-за дверей гостиной.

– Прошу прощения, сэ, – задыхаясь обратился он к Хилари. – Я подумал, это срочно, сэ. Полковнику, сэ.

– Что – «полковнику», Маулт? – довольно раздраженно перебил его старикан.

Вместо ответа камердинер выставил поднос на вытянутых руках перед своим хозяином. На нем лежал конверт с отпечатанными на пишущей машинке заглавными буквами:

«ПОЛК. ФОРРЕСТЕРУ».

– Он лежал на полу в вашей спальне, сэ. Прямо у дверей, сэ. Я подумал, это срочно, – повторил Маулт.

## Глава 3

### Счастливого Рождества!

#### I

Вытащив из конверта листок с каким-то посланием и пробежав его глазами, полковник Форрестер повел себя в точности так же, как его племянник в аналогичной ситуации несколько минут назад. То есть на некоторое время застыл безо всякого выражения на лице. Затем слегка покраснел и повернулся к Хилари.

– Дружочек, на два слова... – Старик свернул прочитанный листок. Руки его заметно дрожали.

– О чем речь... – начал было Хилари, но тетушка прервала его:

– Нет!

– Клу, позволь уж мне...

– Ни в коем случае. Как я вижу, ты тоже попал на крючок, – сказала она, – и мне нужно знать, на какой именно. Я говорю: на крюк...

– Я тебя слышу. Но нет, Клу, не могу, дорогая. Это неловко и неуместно.

– Вздор, Фред, я настаиваю... – Голос ее сорвался на какой-то неожиданный стон. – Сядь сейчас же, Фред. Хилари!

Хилари ринулся к дяде, и вместе они кое-как усадили того на ближайший стул. Миссис Форрестер запустила узловатую кисть в нагрудный карман мужа и вытащила оттуда маленький флакон.

– Бренди! – скомандовала она, и Хилари тут же поднес ей бутылку с сервировочного столика, оставленного для гостей Мервином.

– Это движок. Стучит неровно, – сказал мистер Смит на ухо Трой. Затем он быстро отошел в дальний конец комнаты и распахнул окно. Вихри снега тут же ворвались внутрь, хвойные лапы на елке зашевелились, «букет поцелуев» закрутился во все стороны.

Полковник все еще сидел на стуле – с закрытыми глазами и взъерошенными волосами, он учащенно дышал.

– Со мной все в полном порядке, – просипел он наконец. – Было бы из-за чего поднимать шум.

– Никто ничего не поднимает, – отозвалась его решительная супруга. – Не могли бы вы теперь закрыть окно, Смит? Спасибо.

Тело Крессиды охватил приступ дрожи – продолжительной и наглядной, от макушки до пяток.

– Хорошо хоть без обморока, – шепнула она Трой. Та не прореагировала.

– Вот уже гораздо лучше, – произнес полковник, открывая глаза. Остальные вздохнули с облегчением.

Образ этой живописной группы, собравшейся в гостиной словно для того, чтобы позировать, глубоко запечатлелся в памяти Трой: пожилой офицер с прикрытыми веками изо всех сил пытается восстановить дыхание. Хилари – в вельветовом пиджаке сливового цвета, как всегда элегантен, но весьма взволнован и смущен. Крессида развалилась в кресле с золотистыми ручками в позе недовольной, но обольстительной. Миссис Форрестер с руками, скрещенными на груди, внимательно наблюдает за мужем с расстояния не более двух шагов. А сухонький старикан кокни в роскошной, дорогой домашней куртке рассеянно описывает круги вокруг праздничной елки.



В богатых усадебных декорациях, при своей старомодной чинности картина эта прекрасно подошла бы в качестве сюжета любому увенчанному славой мастеру эдвардианской жанровой живописи – Орчардсону или еще больше – достопочтенному Джону Кольеру<sup>42</sup>. Название могло быть, например, просто «Письмо». Ведь оно все еще лежало на ковре – там, где его уронил полковник, – и составляло, несомненно, эмоциональный центр композиции.

В довершение этого безнадежно отжившего, допотопного сюжета мистер Смит вдруг прервал свое бесцельное движение и застыл как вкопанный, а миссис Форрестер, Хилари и Кресида будто по команде повернули головы и уставились на одинокий белый клочок бумаги.

И тут уж «полотну» пришла пора ожить. Полковник, как уже отмечалось, открыл глаза. Его жена сделала пять широких шагов по ковру и подняла листок.

– Но, тетя Клу... – начал было Хилари, но она заставила его умолкнуть одним только строгим взглядом.

«Письмо» лежало на полу лицевой стороной вниз, так что миссис Форрестер пришлось развернуть его, чтобы прочесть. Она прочла и... залилась краской до корней волос (тревожный симптом, особенно если речь идет о пожилых людях)!

– Что там, тетя Клу?

Рот ее захлопнулся с лязгом, словно стальной капкан. На лице появилось какое-то необычное, неопределенное выражение. Что это, ярость? – гадала Трой. Безусловно. Но и что-то еще. Не едва ли различимый отблеск удовлетворения? Не произнесла ни звука, она протянула бумагу племяннику.

На того она тоже произвела интересное впечатление: одна его бровь поползла кверху, губы разомкнулись, затем вновь сомкнулись. Хилари перечитал записку несколько раз, а затем, к крайнему изумлению Трой, издал сдержанный смешок и прикрыл рот рукою. Встретившись с художницей глазами, хозяин поместья посмотрел на нее как-то дико, но постарался поскорей овладеть собой и дрожащим голосом произнес:

– Это... ни в какие... никак... это так нелепо. Абсурдно. Дорогая моя тетя Клуба!

– Не смей называть меня так! – заорала вдруг старая леди.

– Простите, ради бога, простите, тысячу извинений. Просто я всегда... О господи. Понятно.

– Фред! Ты пришел в себя?

– Да-да, все уже в полном порядке, благодарю. Просто маленький приступ – ты знаешь, со мной они случаются. Вне всякой связи с *этой штукой*, уверяю тебя. Хилли совершенно прав: тут полная нелепица, глупость и абсурд. За тебя я очень обижен и зол, разумеется, но, сама понимаешь... все это смехотворно и больше ничего.

– Не знаю, не знаю. Возмутительно – конечно. Оскорбительно – безусловно. Скандально – да. Смехотворно – не нахожу. Автора необходимо высечь хлыстом на конюшне.

– Не спорю. Но, честно говоря, мне сейчас не до физических упражнений, Клу, к тому же мы не знаем, кого сечь.

– Надеюсь, это удастся узнать.

– Да-да, но это уже другая история. Нам с Хилли надо серьезно поговорить.

– Сейчас тебе надо только одно – поскорее улечься в постель.

– Что ж – пожалуй, пожалуй. Завтра следует быть в форме, не так ли? Однако ведь... Мы еще собирались нарядить елку. Я так люблю это дело...

– Не строй из себя дурака, Фред. Давай вызовем Маулта. Вместе с Хилари они могут...

– Не нужны мне никакие Хилари с Маултом. Совершенно не нужны, я прекрасно справлюсь сам. Если желаешь, могу подняться по лестнице спиной вперед. Не суетись, Клу. – Пол-

---

<sup>42</sup> Орчардсон, сэр Уильям Квиллер (1832–1910) и Кольер, Джон (1850–1934) – британские художники.

ковник решительно поднялся и отвесил Трой легкий галантный поклон. – Не передать словами, как мне жаль, что заставил вас переживать по пустякам.

– Никаких переживаний, не беспокойтесь...

– Очень мило с вашей стороны. Спокойной ночи. Спокойной ночи, Крессида, мой ангел. Спокойной ночи, Берт. Пойдем, что ли, Клу?

А все-таки «главный» в семье он, решила Трой, глядя, как полковник удаляется, опираясь на руку жены. Хилари вышел вслед за ними.

– Ну и ну! – лаконично высказался мистер Смит. – Кино.

Крессида с усилием выползла из кресла.

– Все так расписывались из-за Форрестеров. Про то, что *меня* оскорбили, уже никто не помнит. А ведь нам даже не сказали, что там у них. Понимаете? Что у них в записке? Тетю Колумбину ведь вряд ли тоже обозвали «великой грешницей», как вы думаете?

– Точно нет, – согласился Смит. – Ни при каком потенциале рынка.

– В общем, я пошла спать, – заявила Крессида, расхаживая взад-вперед по гостиной. – Только хочу еще договорить с Хилари. Наверное, он наверху. Добрых снов, миссис Аллейн.

– Что же, мы так и разойдемся? А как же елочка?

– Смею думать, он сам ею займется, когда спустится обратно. В конце концов, еще не поздно. Время детское. Спокойной ночи, мистер Смит.

– Спокойной, красотка, – отвечал кокни. – Не переживайте, дышите ровно. Пусть мир сошел с ума, а нам и дела мало, правильно я говорю?

– Честно говоря, мне *есть* дело, понимаете ли. – Крессида прикусила губу и вышла прочь.

– Чудненько, чудненько! – проговорил ей вдогонку Смит и вновь наполнил свой стакан. – Вам плеснуть чо-нить, милая дама?

– Благодарю, не сейчас. Скажите, а вы разве не находите, что все это если и розыгрыши, то весьма предосудительные?

– Ах, вот вы о чем! Дельный вопрос. Я-то? Предосудительный – не знаю, а что до розыгрыша – сомневаюсь. Говоря образно...

Тут он вдруг осекся и бросил на Трой взгляд более острый, чем обычно.

– Что, спутались у вас все карты, да?

– Видите ли...

– Ага-а! Вас тоже не обошли вниманием, правильно?

– Ну, письма не присылали...

– А что прислали?

– Ничего особенного, – быстро проговорила Трой, вспомнив о своем обещании Мервину и слегка испугавшись пронизательности мистера Смита.

– Решили придержать при себе? – спросил он. – Ваше право, конечно, но на вашем месте все-таки старине Хилли я б рассказал. Ну, да что там. День был длинный и все такое. Мне бы тоже недурно отправиться поспать. – Смит отпил глоток из бокала. – Совсем недурно, но, как говорится, лучшее, конечно, впереди.

– Лучшее? Впереди?

– На посошок, перед сном. Знаете, что я пью на посошок? Ячменную воду! Ей-ей, факт! Только ее. Ячменную воду с долькой лимона. Каждый вечер, всю мою долгую жизнь. Помогает держать режим и точно по мне, как хороший костюм. Хилли всегда велит этому своему призраку на полной ставке держать в моей комнате нужный запас.

– Найджелу?

– Угу. Бесплотному чудодею.

– А каково все же ваше мнение о здешнем антураже, мистер Смит?

– О чем это вы сейчас сказали?

– Об окружающей обстановке. Об обитателях. Об укладе жизни. Я имею в виду – в «Алебардах».

– А-а. Вас понял. Что ж, скажу: обстановка своеобразная. Диковинная. Специфическая. С какой стороны ни глянь – чудная. Но ведь, говоря образно, сам Хилли такой. Ему как раз подходит. Вот глядите: если б он, предположим, набрал себе сюда банду, ну там... фармазонов...

– Кого?

– Фальшивомонетчиков. Или шулеров. Или вымогателей. Или скупщиков краденого. Или аферистов. Или еще какой-нибудь такой шушеры – тут я был бы против категорически, можете поверить. Но вот убийцы – они одноразовики, с ними – дело другое.

– Знаете, мой муж с вами согласен.

– Ну вот, а кому же еще знать, как не ему-то?.. А вот от Альфа Маулты вы таких слов не дождетесь. Скорей рак на горе свистнет.

– Вы полагаете, он не доверяет здешнему персоналу?

– На дух не переносит их всех, простите уж за прямоту. Он, знаете ли, из тех, кто любит только норму, только стандарт, только чтоб по струнке. Солидность, приличия и политес подавай этому Альфу Маулту. Слуга военного разлива и большой сноб. Это я вам точно говорю. Я вот сам из низов, как видите, он таких «господ», как я, и в грош не ставит, зато мне легко распознать, как и чем дышит он, что думает. Знаете, как он их зовет, местных? Мразь, накупь и отбросы общества – вот как он их зовет. И только потому снисходит к ним в людскую – в прямом, как говорится, и переносном смысле, – только потому унижается до общения с ними, что таков порядок его службы у Форрестера, а между полковником и Господом Богом разницы никакой он, кажись, не замечает.

Мистер Смит опустил стакан на столик, вытер пальцами губы и подмигнул Трой.

– Отменно. Знаете что, будет здорово, если как-нибудь за эти дни вы заедете ко мне. Попросите Хилли свозить вас. У меня завалилась пара холстов, которые вас точно заинтересуют. Мы, знаете, любим иногда побаловать себя старыми мастерами. Время от времени что-то на рынке встречаю, что-то себе покупаю... Вам нравится Блейк?

– Блейк?

– Блейк, Уильям. У которого «тигр, тигр, жгучий страх»?<sup>43</sup>

– Он великолепен.

– У меня есть один его набросок.

– В самом деле?!

– Приезжайте – гляньте сами. Увидите воочию.

Тут вернулся Хилари и сразу же принялся рассыпаться в извинениях.

– Боже, что вы должны были о нас подумать! – сокрушался он. – Беда за бедой. Неприятность за неприятностью гонится и чуть на пятки не наступает. Видимо, это мне за грехи, смирения гордыни ради.

– Так чем там в итоге дело кончилось? – спросил Смит.

– Слава богу, все в порядке, ничего *больше* не случилось, только Крессида очень нервничала.

– Ну, я вижу, она уже почти пришла в себя.

---

<sup>43</sup> Имеется в виду английский поэт, художник и гравер Уильям Блейк (1757–1827), автор, в частности, известного стихотворения «Тигр» (1794). Перевод К. Бальмонта (1921).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.